

**ЭЛЕОНОРА
РАТКЕВИЧ**

МЕЧ БЕЗ

РУКОЯТИ

Деревянный Меч

Элеонора Раткевич

Меч без рукояти

«Демина Людмила Дмитриевна»

2001

Раткевич Э. Г.

Меч без рукояти / Э. Г. Раткевич — «Демина Людмила Дмитриевна», 2001 — (Деревянный Меч)

ISBN 978-5-699-34414-7

У меча, как и у человека, своя судьба. Даже у Деревянного. Попадая в руки нового владельца, он тянет за собой нить прошлого. И кто скажет, не таит ли оно смертельной опасности В чьей крови закалялся его клинок и как он попал к прежнему обладателю Воин-маг Кенет должен во что бы то ни стало выяснить это – иначе его ждет неминуемая смерть.

ISBN 978-5-699-34414-7

© Раткевич Э. Г., 2001

© Демина Людмила Дмитриевна, 2001

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	37
Глава 5	47
Глава 6	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Раткевич Элеонора

Меч без рукояти

Пролог

– Боги, – обреченно вздохнул Кенет, – зачем вы создали человека таким глупым?

– В чем дело? – Аритэйни оторвала взгляд от своего отражения в маленьком бронзовом зеркальце с наплавленным на него стеклом. Зеркальце было заморской новинкой. Кенет привез его жене из недавней поездки, и стоило оно недешево – но, по мнению Кенета, ни одно зеркало не может быть слишком хорошим или дорогим для Аритэйни. Лицо, которое зеркало сподобилось отражать, заведомо прекрасней любых самых дорогих и затейливых зеркал. Вот и сейчас на Аритэйни любо-дорого посмотреть. Не то что на него...

– Боги создали человека, – досадливо сообщил Кенет, – а человек создал церемониал. Очень глупая выдумка.

– И чисто человеческая, – усмехнулась Аритэйни. – Мне как дракону трудно ее понять.

– Мне как человеку тоже, – фыркнул Кенет. – Нам через полчаса нужно занять свои места, а я до сих пор не знаю, как мне одеться – как воину или как магу?

Маги редко бывают воинами, а воины почитай что и никогда не становятся магами. Кенет был единственным в своем роде исключением – и всякий раз перед любым торжественным событием ломал себе голову, мучительно пытаясь сообразить, что же ему надеть, дабы не вступить в противоречие со всемогущим этикетом: плащ мага или синий воинский кафтан хайю?

– Оденься как отец, – после недолгого раздумья посоветовала Аритэйни.

– Ни за что! – искренне ужаснулся Кенет. – Какой же из меня отец, если сынок меня мало не вдвое старше!

Действительно, положение Кенета можно было почесть двусмысленным. Обычай требовал, чтобы жениха к брачному ложу сопровождал отец, а невесту мать... а в их отсутствие – сват или сваха. Даже Аритэйни забавно смотрелась на месте матери: на вид они с невестой были ровесницами. Что уж тут говорить о Кенете: жениху – своему наставнику в нелегком воинском искусстве – он годился если и не в сыновья, то в младшие братья, но никак уж не в отцы.

– И зачем только я их сосватал? – возопил Кенет.

– Чтобы они жили долго и счастливо, – хладнокровно заметила Аритэйни. – Надеюсь, у них получится.

– Наверняка получится, – невольно улыбнулся Кенет.

– До сих пор не понимаю, что Тайин в нем нашла, – вздохнула Аритэйни.

– Она говорит, что он самый добрый на свете, – ухмыльнулся Кенет. – И это чистая правда.

– Кто добрый – Аканэ? – удивилась Аритэйни.

– Поверь мне на слово, – заверил ее Кенет. – Мне куда больше интересно, что Аканэ в ней нашел? Тайин, конечно, добрая девочка, нам ли с тобой не знать, но...

– Аканэ мне говорил, – ехидно ответила Аритэйни, – что Тайин самая умная в мире.

– Тайин? – слегка удивился Кенет. – Хотя... если она сумела понять, что Аканэ добрый... да, бесспорно. Он прав... ради всех Богов, Аритэйни, да придумай же, что мне на себя натянуть!

Когда Кенет занял свое место в свадебной процессии – по правую руку от жениха, – даже самые строгие ревнители этикета могли вздохнуть с облегчением. Сочетать несоединимое Кенету удалось. Он был облачен в воинский кафтан хайю, только не синий, а черный, праздничный, и талию его вместо положенного по уставу пояса стягивал широкий, как полотенце,

разноцветный пояс свата... да вместо праздничной накидки, опять-таки, предписанной строгим воинским уставом, пристегнут – именно пристегнут, а не наброшен на плечи – белый плащ мага. По мнению Кенета, он по части внешнего вида вполне мог бы заткнуть за свой широкий пояс всех пугал огородных от Сада Мостов до Казна, но мнения его никто не спрашивал. Зато этикет соблюден вполне, вот даже и Юкенна, придиричиво оглядев наряд Кенета, подмигнул ему с деланно-сочувственным одобрением. Эх, вот у кого Кенету стоило спросить, как и во что облачиться, – у его высочества принца Юкенны, профессионального дипломата, полномочного посла Сада Мостов в Дальнем и Срединном Загорье! Тот настолько привык одеваться не как душа просит, а как полагается, что ни на мгновение не затруднился бы дать приятелю столь необходимый совет. А то еще можно было посоветоваться с Акейро: наследник престола поневоле должен знать толк в требованиях церемониала.

Когда жениха и невесту усадили возле свадебного полотна и Кенет с Аритэйни подали молодым чарки с вином, самое тяжелое осталось позади. Можно было не стоять навтыжку, мучительно повторяя себе мысленно все, что обязаны сделать названные отец и мать. Можно украдкой испустить вздох облегчения. И пот со лба утереть. И на сияющие лица новобрачных полюбоваться. И на гостей свадебных. На физиономию своего побратима Акейро, такую нестерпимо довольную, словно это он женится. На принца Юкенну, которому для полноты радости на свадьбе близкого друга недостает только своих друзей из Загорья – но они придут лишь завтра, на второй день свадебных торжеств.

По счастью, только завтра придут из Казна и отец невесты. Кенет грустно улыбнулся, вспомнив, как именно состоялось его знакомство с отцом Тайин. А заодно – чего ему стоило явиться сватом к надменному старому вельможе, который больше всего на свете ненавидел сословие воинов. Не повезло ему, бедняге, – сначала сын в воины подался, а потом любимая дочь, свет очей и радость сердца, влюбилась в воина. Никому, кроме Кенета, не удалось бы сосватать Тайин за Аканэ... а теперь в награду за мучительные переговоры с ополоумевшим от высокомерия неуступчивым стариком Кенету приходится маяться, вырядившись, как попугай... ну нет на свете справедливости! Одна надежда, что брат Тайин, Наоки, сопровождающий посольство из Загорья, успеет прибыть завтра раньше, нежели припожалует его вельможный отец.

Однако на свадьбе не доставало еще одного гостя – что выяснилось, лишь когда он прибыл.

Едва только успели убрать чарки и полотно, едва только Акейро на правах самой властительной особы из всех присутствующих провозгласил Аканэ и Тайин мужем и женой, как толпа свадебных гостей раздалась, пропуская вперед высокого загорелого человека в пропыленном дорожном кафтане. На лбу незнакомца красовалась новенькая повязка, расшитая пестрыми шариками, какую носят бродячие комедианты – киэн. За ним следовал другой киэн, помоложе годами и получше одетый.

Едва завидев старшего киэн, Аканэ вскочил; глаза его полыхнули радостью почти нестерпимой.

– Шутов звали? – осведомился старший, озорно прищурясь.

– Хэсситай! – воскликнул Аканэ, бросаясь к неожиданному гостю. Имени этого из уст Аканэ Кенет не слышал ни разу. Однако, судя по тому, что лицо Тайин озарилось почти такой же радостью, как и лицо ее мужа, вновь прибывший был очень дорог сердцу Аканэ – и Тайин в отличие от Кенета знала почему.

Чинная строгость неспешного свадебного ритуала исчезла бесследно. Аканэ, сияя, как мальчишка, к которому прибыл, на зависть всем соседским сорванцам, его дядюшка-моряк, знакомил Хэсситай и его ученика Байхина со всеми своими друзьями. Когда черед дошел до Кенета, взгляд Хэсситай задержался на его потертых черных ножнах с серебряным узором.

– Не откажи в любезности, – попросил Хэсситай, и Кенет прекрасно понял его просьбу. Не раз и не два его просили показать, что за меч скрывается в столь великолепном вместилище. Он выдвинул наполовину из ножен свой деревянный меч – не столько, впрочем, меч, по совести говоря, сколько магический посох, – помедлил немного и снова вернул меч в ножны.

– Так вот кому ты передал мой ученический меч, – обернулся Хэсситай к Аканэ. – Что ж, одобряю.

Кенет похолодел. Вот и наступил тот миг, которого он всегда втайне опасался. До сих пор Аканэ каким-то непостижимым образом не замечал, что ученик его машет его же собственным ученическим мечом... не замечал, потому что в действительности и не дарил его Кенету. Но была и другая действительность – та, в которой Кенет спас Аканэ жизнь и получил меч из его рук... та, в которой Аканэ оплатил ученику с лихвой, пожертвовав жизнью ради него... Та которую сам Кенет изменил бесповоротно – и лишь потому не забыл подобно всем остальным. Только деревянный меч, давший Кенету прозвище, и уцелел в неизменности от той исчезнувшей реальности, и напомнил Аканэ о том, чего в новой его жизни не было и быть не могло. Лицо воина выражало тяжкую растерянность, горестное недоумение – да как же это... да ведь не может быть...

– Это и в самом деле твой меч, – вполголоса произнес Кенет наклонясь к Аканэ. – Я потом тебе расскажу, как он ко мне попал... потом, не сейчас ладно?

Аканэ, все еще хмурясь, кивнул. Недоумение, к немалому удивлению Кенета, с лица его исчезло очень скоро. Поначалу он еще оглядывался на Кенета с таким видом, словно собирался спросить его о чем-то, да вот позабыл о чем, – а потом и вовсе перестал. Выражение досады сменилось в его глазах искренним любопытством, с которым он выпрашивал Хэсситай о людях, Кенету и вовсе не знакомых.

– Тэйри в Загорье обосновался, – рассказывал Хэсситай, – и мастер Хэйтан неподалеку от него. Женаты оба. С ума просто сойти можно – все женятся!

– А ты что ж не женился? – усмехнулся Аканэ.

– И я подумываю, – невозмутимо ответил Хэсситай.

Вот оно, значит, как... не помнит Аканэ о своем подарке – значит, и не может помнить... а значит, и о вопросе своем тоже помнить не может... и если не забыл еще о нем, то очень скоро позабудет. И не о чем Кенету беспокоиться.

Однако не прав оказался Кенет, ой как не прав. О странной неувязке с мечом забыл Аканэ – но не его расспросов Кенету следовало опасаться.

Когда свадебная церемония, ненадолго прерванная прибытием Хэсситай, закончилась, Кенет и Аритэйни заняли свои места подле молодых.

– Успеем еще наговориться, – пообещал Хэсситай Аканэ и Тайин. – Я надолго приехал... на неделю, не меньше.

Ничего себе надолго, подумал Кенет, провожая молодых к их брачному ложу. От недавнего смятения он чуть было не позабыл повесить оберег над дверью, закрыв ее за собой снаружи, но Аритэйни была наготове и подала ему заранее приготовленный для этой цели амулет.

– Ну, теперь все, – вполголоса произнес Кенет, спускаясь по ступенькам в сад.

– Теперь все только начинается, – возразил Хэсситай. – Насколько я помню, обычай велит ближайшим друзьям караулить у дверей дома всю ночь до утра – или нет?

– Ты не ошибаешься, – понуро согласился Кенет.

– Вот и располагайся караулить, – изрек Хэсситай. – Ночь у нас впереди долгая. Посидим, поболтаем, время скоротаем. Заодно ты расскажешь, откуда у тебя взялся меч Аканэ, хотя он тебе его вроде как бы и не дарил.

Нет, но надо же было такого дурака свалить! О чем Кенет только думал, опрометчиво давая Аканэ обещание все рассказать когда Хэсситай стоял рядом и все-все слышал? Ведь говорил же еще Аканэ, что наставник его в воинском ремесле, смастеривший пресловутый

меч, был не только воином, но и магом! Как же Кенета угораздило об этом позабыть? Помнить исчезнувшую напрочь реальность он не в силах, тут ему и магия не поможет, – но позабыть о странном несовпадении он не обязан... все-таки маг... Наедине с магом Кенет, пожалуй, и пустился бы в откровенности – но ведь они тут не одни... тут и ученик Хэсситая, высокий улыбчивый Байхин... и Аритэйни, которая знает хоть и многое, но все-таки не все... а главное, тут Акейро и Юкенна, и глаза их искрятся таким любопытством, что сразу видно – от этих двоих Кенет нипочем не сумеет отвязаться. Они бы тоже забыли обо всем, подобно Аканэ, когда бы не упорный Хэсситай... ну да теперь ничего уже не поделаешь.

– Хорошо, – произнес, помолчав, Кенет. – Только... только вы никому больше не рассказывайте, ладно?

– Ну, раз уж это тайна, – усмехнулся Акейро.

И Кенет, мучительно давясь словами, как можно быстрее стараясь оставить позади тягостную необходимость поведать, кому из присутствующих и каким образом он жизнь спасал и чем все это закончилось, рассказал обещанное. Окончив рассказ, он стыдился поднять голову и взглянуть в глаза своим друзьям. Хэсситай он в эту минуту почти ненавидел: ведь именно из-за него Кенету пришлось рассказать то, что неминуемо должно представиться им пустым хвастовством и небылицей.

– Так оно и было, – произнес после долгого молчания Акейро голосом чуть надтреснутым, как в той, прежней, жизни. – Когда ты рассказывал... я не то чтобы вспомнил – скорей почувствовал... так все и было.

Кенет был невыразимо благодарен Акейро за эти слова, но чувствовал себя по-прежнему неловко.

– А Кэссина я и по этой жизни помню, – внезапно улыбнулся Юкенна своему воспоминанию. – Занятный такой парнишка, восторженный до ужаса. А кстати, где он сейчас?

– Там же, где и был, – все еще несколько смущенно ответил Кенет. – Я его под присмотром Вайоку оставил. Господин Вайоку, конечно, ветхий старичок, но вполне в своем уме. И за магом будущим присмотреть в самый раз сгодится.

Хэсситаем внезапно овладел приступ неудержимого хохота.

– Вот это сказал так сказал, – простонал он, утирая слезы смеха. Вайоку, конечно, старикашка ветхий, спору нет... и он действительно в своем уме... а точнее будет сказать – себе на уме, и даже очень... и уж мага на путь истинный наставить он очень даже сгодится!

– Ты что, знаком с ним? Расскажи, – попросил Юкенна, дождавшись ответного кивка.

– А заодно и про меч, – мстительно потребовал Кенет. – Раз уж ты меня заставил объяснить, откуда у меня этот меч взялся, я вправе услышать, откуда он взялся вообще... да и ты сам, если уж на то пошло.

– Больно долгая история, – возразил было Хэсситай.

– Ничего, – в тон ему ехидно заметил Кенет. – Ночь у нас впереди длинная, и спешить нам некуда.

– Ладно, – вздохнул Хэсситай, – так и быть.

Часть первая Кошачья тропа

Глава 1

После недавней слякотной оттепели земля снова промерзла насквозь до звона. Бугристый лед кое-где выблискивал сквозь тонкий, как рубашка, снежный покров. Редкие искристые снежинки медленно падали и укладывались наземь одна к одной. Под ними явственно обозначалась каждая трещинка в земле, каждая вмерзшая в лед травинка. Время от времени среди крохотных белых снежинок появлялась крупная, черная.

Когда ветер опускал на снег хлопья сажи, мальчик вздрагивал и замирал, прислушиваясь. Ни шороха кругом. Только сажа черными снежинками беззвучно валится на белую землю. Далеко их занесло... вот уже и дом сгорел дотла, и защитники его погибли, и убийцы убрались восвояси, а сажа и пепел все еще носятся в морозном воздухе. И тишина окрест... такая тишина, что хочется услышать что угодно... как попискивает в огне заледеневшее дерево перед тем, как заняться пламенем по-настоящему... как тягучий свист стрелы сменяется предсмертным вскриком... как рушатся с воем и грохотом пылающие стропила... пусть даже и это... все равно... только бы хоть что-нибудь услышать... чтобы не мерещился в звенящем безмолвии гул копыт, чтобы не чудилась за спиной неумолимая погоня.

Мальчик обернулся. Позади – никого и ничего. Лишь его собственный едва приметный след. Поначалу снег таял под его босыми ступнями, и они оставляли за собой маленькие черные отпечатки. Теперь же его ноги только приминали снег, чуть припоросивший мерзлую землю. Если не приглядываться, следы почти незаметны. Не найдет его никто... нипочем не найдет.

Однако на сей раз топот копыт ему не померещился. Только слышался он не сзади. Он летел мальчику в лицо вместе с комьями грязного снега.

Мальчик не попытался убежать: он не то что ног под собой – даже боли в ногах не чувствовал. Он только съезжился и замер, когда наездник осадил коня рядом с ним. А потом силы окончательно оставили мальчика, и он начал медленно валиться на вспыхнувший внезапной радугой снег.

Из-за слепящей пелены до него внезапно донеслось чудовищное богохульное ругательство, и мальчик заставил себя приподнять тяжелые от инея ресницы: голос был ему смутно памятен – и он не был голосом врага. Этот голос мальчик изредка слышал в отцовском доме... давно... когда еще дом стоял и отец был жив... и этот человек приезжал к нему в гости... и называл его своим другом... а мальчика – воителем... и на руки его подымал... совсем как сейчас...

Всадник спешился, мгновенно сбросил теплый плащ, укутал им мальчика и прижал к себе.

– Значит, я все-таки опоздал, – тихо и безнадежно произнес он.

Мастер-наставник Хэйтан низко склонился, переждал несколько мгновений и распрямил спину, но не полностью, оставаясь в легком, еле заметном полупоклоне. У обычного человека спина бы заныла уже через несколько мгновений. Хэйтан мог пребывать в этой позе – равно как и любой другой столько, сколько потребуется. Хоть сутки, хоть двое. И на то, что нелепая угодливость заставляет терзаться его чувство собственного достоинства, тоже не пожалуешься: нет у него такого чувства. Для воина из тайного клана Ночных Теней иметь чувства – и вовсе непозволительная роскошь, а уж тем более чувство собственного достоинства – пожалуй, самое неуместное из всех. Но вот здравый смысл мастера Хэйтана страдал сугубо. Когда

Ночные Тени отправляются на дело во внешний мир, прикидываясь обычными людьми, они вынуждены подчиняться требованиям внешнего этикета – но при этом не сам воин следует смехотворным правилам, а то заурядное создание, которым он притворился. Пустая маска, оболочка. Поступай с ней, как тебе угодно: хочешь – мни, хочешь – гни. Но здесь, у себя дома, мастер Хэйтан – никакая не оболочка, не пузырь, который можно надуть чем угодно. Он – это он, мастер Хэйтан. Так какого рожна он гнет спину перед заезжим гостем, который только то преимущество перед Хэйтаном имеет, что родился во внутренних покоях собственного столичного дома? Статочное ли дело – унижаться перед существом, которое мнит себя воином, а сам и восьмерых противников не одолел бы? И все же тело Хэйтана сгибается в поклоне еще прежде, чем разум его успел вспомнить о необходимости поклониться, а с уст сама собой слетает давным-давно затверженная формула униженной вежливости:

– Благополучно ли добратся изволили, высокородный господин?

Дурацкий вопрос. Какое там благополучно – всадник с ног до головы в снегу, конь с ног до головы в мыле. А мальчишка, сопровождающий гостя, и вовсе поморозился в пути: повязки ему явно не в доме накладывали. Ноги мальчика перевязаны впопыхах, чем попало, едва ли не прямо в седле на полном скаку.

– Главное, что добрался, – устало ответил гость.

Несмотря на утомление, гость не норовил расположиться на отдых сам, а ждал, покуда ему предложат присесть. Редкая для вельможи вежливость. Обычно любой высокородный клиент считает себя вправе распорядиться, словно у себя дома. Надо отдать гостю должное, человек он из понимающих.

– Извольте присесть, господин. – Хэйтан поколебался немного, но все же пригласил сесть и мальчика-сопровождающего. Вообще-то не положено... ну и пес с ним, с неположенным и недозволенным. Мальчишка того и гляди сомлеет. И вряд ли высокий гость будет этим очень доволен. – Извольте вкусить от наших скромных яств. – Хэйтан широко повел рукой в сторону низенького столика, на котором красовались те немногие кушанья, которые вельможа имеет право отведать под кровом простолоюдина, не роняя своей вельможной чести: соленые орешки, тыквенные семечки, сухое печенье трех видов и горячий благоуханный отвар, слегка сдобренный пряностями.

А все этикет, будь он неладен! Иззябшего путника надо бы накормить досыта да напоить горячим вином. Равного себе Хэйтан и накормил бы. Так ведь предложи он, простолоудин, высокородному гостю откусать запросто, чем богаты... худшего оскорбления и измыслить невозможно. Как невозможно и предугадать, что вытворит гость в ответ – снесет ли голову дерзкому оскорбителю, возмнившему о себе невесть что, или себе глотку перережет, не в силах пережить сей несмыаемый позор? Вот и приходится клиенту с мороза семечки щелкать. Притом что живет Хэйтан если и не побогаче его, то уж посытнее – наверняка.

Гость и мальчишка-сопровождающий одновременно воздели вверх свои чаши, выражая почтение к приютившему их крову, отхлебнули отвар и так же одновременно поставили чаши на стол. Гость кинул в рот несколько соленых орешков. Мальчик прикусил узкое длинное печенье, даром что мог бы проглотить его не жуя, и за вторым тянуться не стал, хотя от голода у него так скулы сводило, что разве слепой не заметит. Редкостно воспитанные гости. Для таких Хэйтан в охотку постарается. Если, конечно, гость не запросит чего-нибудь совсем уж невероятного... но это навряд ли.

– Чем могу быть полезен высокородному господину? – осведомился Хэйтан с небывалой для него приязнью в голосе: обычно он встречал клиентов куда как холодно.

– Не мне, – покачал головой гость. – И я не уверен, что сможете. Я только надеюсь.

– До сих пор ни один из наших достопочтенных гостей не жаловался, что мы не выполнили задания, – отрезал Хэйтан.

– Речь идет не о задании, а о просьбе, – возразил гость. – И если вы... не захотите... значит, так тому и быть. Я постараюсь придумать что-нибудь другое.

– Значит, господин сомневается не в том, сможем ли мы исполнить его уважаемую просьбу, а в том, захотим ли? – уточнил Хэйтан.

Гость утвердительно склонил голову.

Любопытно. Крайне любопытно. С подобным мастер-наставник Хэйтан за всю свою жизнь еще не сталкивался.

– Не соизволит ли высокий гость удостоить нас изложением своей просьбы? – Хэйтан мысленно слегка поморщился, окончив фразу. Ясно же, что гость не из обычных, – так стоит ли с ним обращаться, как обычай велит?

– Моя просьба касается вот этого мальчика, – тихо произнес гость. Это сын моего близкого друга... и долг велит мне укрыть его от судьбы, пристигшей его отца.

Хэйтан чуть заметно кивнул в знак того, что понял. Ай да гость! Хоть и молод, а все едино не промах. Он не сказал ни одного слова, которое можно бы почесть уликой. Ничего непоправимого. Ничего, что заставило бы Хэйтана отказать ему, даже не дослушав, ибо на сей счет имеются строгие предписания закона – предписания, кои Ночные Тени давно научились обходить. И судьба неведомого Хэйтану отца этого мальчишки – не секрет. Такими обиняками не говорят о смертельной болезни, случайном пожаре или землетрясении. Отец этого парнишки был убит людьми короля Сакура. А дело-то серьезно оборачивается. Что могло заставить взбалмошного мстительного короля не только отправить человека в ссылку в здешние гиблые места, но и отдать приказ уничтожить ссыльного? И ведь не только его: если парнишку приютить некому... если вообще возникла нужда его приютить... нет у него больше ни дома, ни родни. И ни малейшей надежды выжить. Уж если король порешил извести весь род неугодного ему человека, так просто от преследования он не откажется.

Так вот что привело молодого рассудительного гостя в поселение Ночных Теней! Теперь ясно, почему он перевязывал обмороженные ноги мальчика не в теплом доме, а под открытым небом, под валящим снегом – и, вне всяких сомнений, на полном скаку! Тут уж не до поисков тепла и крова – в пору хватать мальчишку и мчаться во весь опор, да не к себе домой – именно там в первую очередь и станут искать, если заподозрят. Так молодой вельможа и поступил. Умно. Очень умно.

– Долг дружбы свят, – медленно выговорил Хэйтан, выбирая самые подходящие слова – выражающие все и не выражающие ничего. – И поистине прискорбно, если выполнить его нет возможности.

Лицо гостя закаменело. Он не знал, в каком смысле истолковать слова Хэйтана – как согласие или как отказ.

– При всем моем искреннем почтении к высокородному господину, склонил голову Хэйтан, – я вынужден заметить, что вы не в силах дать этому отпрыску поистине достойного рода столь же достойное воспитание, которое вооружило бы его против жизненных тягот.

Гость прислушивался к словам Хэйтана очень внимательно, чтобы не прозевать скрытый в них намек. Однако Хэйтан сделал столь недвусмысленный упор на слове «вооружить», что и дурак бы понял – а молодой гость отнюдь не был дураком.

– Воистину так, – улыбнулся гость. – Признаться, я и сам так считаю. Моя заветная мечта – отыскать тех, кто мог бы позаботиться об этом мальчике как должно.

– Полагаю, мои воины воспитаны не худшим образом, – деланно чопорным голосом произнес мастер Хэйтан, веселясь в душе. Они с гостем уже давно поняли друг друга, но надо же и церемониал соблюсти.

– Я был бы счастлив, если бы мальчик получил хоть в половину столь же высокодостоинное воспитание, как ваши несравненные воины, – поклонился гость.

– У Ночных Теней не принято делать что бы то ни было вполнину, позволил себе усмехнуться Хэйтан. – Мальчик получит все, что нужно, дабы ему не пришлось беспокоиться о чести своего имени или о хлебе насущном.

Гость судорожно сглотнул. Значит, понял. Принять на воспитание сына опального ссыльнопоселенца даже и для Ночных Теней небезопасно. А вот усыновить приبلудного бродяжку, едва не замерзшего насмерть в метель, совсем другое дело. Гостю не придется беспокоиться об оплате этой услуги когда мальчик станет одним из воинов клана, он и сам отработает свой хлеб. Вот только пожелает ли гость такой судьбы сыну своего друга? Что ему дороже – честь покойного или жизнь его сына?

– Если мастер изволит заняться воспитанием этого мальчика, – после недолгого молчания выговорил гость, – я буду совершенно спокоен за его будущее.

А в здравом смысле тебе не откажешь, дорогой гость! Что ж, будь по-твоему. Уж если твой ум взял верх над вельможной спесью, отказа тебе не будет.

– Вино сюда, – негромко распорядился Хэйтан, – и три чаши... нет, четыре.

Мальчишка, еще не прошедший первого посвящения, в чьи обязанности входило прислуживать за столом, помчался исполнять приказ. И нескольких минут не прошло, как на столе возник кувшин вина и четыре чистые чаши для совершения обряда.

Хэйтан, как и положено, налил вино в чашу гостя – кровь, переходящую в клан Ночных Теней, следовало возместить кровью земли, как велит обычай. Когда же гость поднес чашу к губам, Хэйтан плеснул немного вина в четвертую чашу и вылил вино в очаг – ибо по праву эта чаша предназначалась тому, кто уже не может ее пригубить. Отцу мальчика.

– Приведи кого-нибудь из старших учеников, – велел Хэйтан, когда он и новоиспеченный ученик, в свою очередь, испили вина. Все тот же мальчишка выбежал из комнаты и вернулся с высоким ладным парнем лет шестнадцати. Парень поклонился Наставнику и гостям и замер в ожидании приказа.

– Риттай, – произнес Хэйтан, – это новый безымянный. Покажи ему, где он теперь будет жить, и выдай ему новую одежду.

Мальчик встал, молча поклонился, старательно подражая движениям Риттая, и вышел вслед за старшим учеником. Ничего не скажешь, воспитан малыш отменно. Пожалуй, для Ночных Теней это не такое уж обременительное приобретение, как думалось Хэйтану поначалу. Может, и будет толк из мальчугана.

Хэйтан подошел к окну. Мальчик ковылял за Риттаем, стараясь не отставать. Что ж, он не только неглуп и наблюдателен. В присутствии духа ему тоже не откажешь.

– Чему меня здесь будут учить? – Нелепый этикет внешнего мира запрещал мальчику лично обратиться с вопросом к наставнику – но если бы он не спросил ни о чем у Риттая, Хэйтан почел бы его безвольным баловнем, привычным плыть по течению. Да, по части самостоятельности у мальчика тоже все в порядке.

– Боли, – ответил Риттай, не задумываясь. На свой лад он прав. Для восьмилетнего мальчика, урожденного жителя внешнего мира, основным в обучении окажется именно боль.

Мальчик поднял на Риттая сосредоточенный взгляд.

– Кажется, это я уже неплохо умею, – произнес он.

Именно эти давние слова и вспомнились мальчику, когда он ожидал своей очереди пройти – или не пройти – Посвящение в самом конце шеренги своих сверстников. Риттай оказался прав. За время своего обучения мальчик узнал много такого, о чем и не догадывался, – но наибольшее число сведений он почерпнул о том, что и как в человеческом теле может болеть. Вывихнутые суставы, растянутые связки, свыше сил натруженные мышцы, обожженная или обмороженная кожа... это не говоря уже о тех разнообразных ощущениях, которые причиняет удар, нанесенный должным образом в должное место. А еще говорят, что к боли привыкнуть нельзя! Тот, кто это изрек, наверняка не был Ночной Тенью, ни даже учеником.

Но привыкнуть не значит полюбить. При одной мысли о предстоящем Посвящении мальчик зябко поводит голыми плечами. Уж если привычные, каждодневные труды ученичества так мучительны... какой же новой, еще неизведанной болью встретит его Посвящение?

Три дня – или, вернее, трое суток – ожидающие Посвящения из кожи вон лезли, показывая, на что они способны по части обычных и не совсем обычных воинских умений. Очевидно, им удалось превзойти себя, ибо в праве пройти обряд ни одному из них отказано не было. Подростки выложились полностью, и теперь, измотанные тремя сутками непосильного даже для них напряжения, они изо всей мочи старались достойно встретить последнее испытание: не уснуть, ожидая, когда настанет их черед. Кое-кто пытался делать вид, что вовсе не хочет спать, иные украдкой позевывали, отвернувшись. День выдался знойный, и мальчиков даже в тени разморило до полного изнеможения. И почему им так не повезло? Окажись нынешний день пасмурным и прохладным, Посвящение давно бы уже шло своим чередом. Но мастера-наставники ни за что не упустят случая подвергнуть своих питомцев неожиданному испытанию. Начинать обряд они медлили явно намеренно. Не уснет ли кто, не изменит ли ученикам выдержка в самый последний момент... иногда такое случалось. Но не тут-то было: мальчики с ног валились от утомления, и им просто не доставало сил, чтобы толком разнервничаться. Ими овладело тяжеловесное спокойствие усталости.

Когда мастер Хэйтан жестом подозвал пока еще безымянных учеников к себе, мальчик повиновался, почти уже не осознавая, что он делает и зачем. Его слегка подташнивало от усталости, в голове звенело. Он вошел вслед за наставником в распахнутый настежь Дом Посвящения. После невыносимо яркого солнечного света прохладная темнота показалась мальчику тишиной... целым озером тишины... неподвижным дремлющим озером. Мальчик даже прислушался невольно – не плеснет ли хвостом верткая серебристая рыба? Мысль о возможной боли уже не занимала его. Страх остался там, снаружи, под жгучим полуденным солнцем.

Он не мог бы сказать, откуда в руках мастера-наставника взялся небольшой узкогорлый кувшинчик – но при виде него напрягся вновь: мальчик знал, что в нем находится. Заполучить состав этого зелья мечтал не один военачальник. Снадобье, способное навсегда изменить человека, придать ему почти нечеловеческие способности – или убить в нечеловеческих муках. Взрослого воина, не прошедшего вдобавок особого обучения, зелье убило бы наверняка. Для подростка, потомка многих поколений Ночных Теней, снадобье не таило в себе опасностей. Для хорошо обученного пришельца со стороны, невзирая на вполне подходящий возраст, результат оставался гадательным. Сколько бессонных ночей мальчик провел в размышлениях о грядущей боли – а возможно, и смерти... но сейчас ему отчего-то не было страшно. Может, ему и жить-то осталось всего ничего... и все равно не страшно. Наверное, это неправильно – не испытывать страха в такую минуту. Он попытался укорить себя за неподобающее моменту отсутствие страха и даже устыдился, но испугаться ему так и не удалось. Вопреки рассудку и здравому смыслу мальчик не мог заставить себя думать о смерти. Он думал лишь о том, каким окажется на вкус таинственный напиток. Гадость, наверное, жуткая...

Но мастер не предложил ученикам пригубить зелье. Он зашел им за спину. Мальчик с недоумением услышал несколько сдавленных вскриков – а потом, в свою очередь, вскрикнул и сам, когда вдоль его хребта скользнула холодная, как змея, струйка воды. Так вот как действует снадобье – оно проникает в спинной мозг! Мальчику показалось, что у него и вовсе нет хребта, а взамен него сквозь тело течет ледяная жидкость... такая холодная... обжигающе холодная... Он успел почувствовать, как чьи-то руки бережно подхватили его обмякшее тело... потом жгучий холод в спине сменился мгновенным жаром... а потом и жар исчез – осталось только ровное ласковое тепло.

Он моргнул и уселся поудобнее. Высокая трава щекотала его голую спину. Солнце стояло совсем невысоко над горизонтом, но припекало всю... день обещал быть жарким. Шутки, однако, шутит с ним его память! Он ведь твердо помнит, что полдень уже наступил... или еще

нет? Хотя какой там полдень вон даже роса еще не высохла... странная, по правде говоря, роса... а может, и не роса вовсе? Что еще может так блестеть на стеблях?

Мальчик снова моргнул и протер глаза. В густой траве сияли светлячки. Светляки – днем? Светляки, усеявшие траву, словно бутоны... а вот и еще один раскрыл лепестки... луг, сдвигая белую завесу цветущих светлячками?

Мальчик встал и побрел наугад по светлячковому лугу. Светлячки осыпали его ободранные коленки сияющей пылью, и это уже не казалось ему странным. Недавняя усталость куда-то исчезла. Легкий ветерок чуть колыхал траву. По небу лениво плыли куда-то похожие на птиц облака. Мальчик уходил по лугу все дальше и дальше, и ему хотелось, чтобы светлячковый луг никогда не кончался, чтобы этот дальний кустарник так и не приблизился, чтобы можно было брести и брести неведомо куда...

Кустарник на краю луга оказался самым что ни на есть обыкновенным. В его густой тени поблескивал небольшой ручей. На берегу ручья сидел человек в подвернутых до колен штанах и удил рыбу.

При виде этого мирного зрелища у мальчика язык к небу прилип. Никто в точности не может знать, что или кто встретит тебя в глубинах Посвящения... но еще никто и никогда не встречал здесь человека. Не будь мальчик так ошарашен, он бы, пожалуй, испугался.

Мальчик сделал нерешительный шаг вперед; под ногой у него что-то хрупнуло. Незнакомец поднял голову и помахал рукой в знак приветствия.

– Что ж так долго-то, Хэсситай? – произнес он укоризненным обродушным баском. – Я тебя заждался.

Хэсситай. Мальчик пошевелил губами, словно пробуя имя на звук. Хэсситай. Так его отныне будут называть. Это его имя.

– Хэсситай, – повторил он вслух.

– Присаживайся, – пробасил рыболов. – Ты хоть удочку с собой захватил?

Хэсситай помотал головой.

– Нет... я... я забыл... то есть я не знал... но ведь это не важно.

– Правда твоя, – кивнул рыболов. – Хорошему рыбаку удочка ни к чему, верно?

– Но я тороплюсь, – выдавил Хэсситай. Ничего подобного он не ожидал и порядком подрастерялся.

– Куда? – Рыболов повел рукой; движение его было удивительно округлым. – Куда можно спешить, когда ловишь рыбу? Рыба торопливых не любит.

– Но я не буду ловить рыбу, – растерянно произнес Хэсситай.

– Не будешь? – удивился рыболов. – Зачем же ты тогда пришел?

– Обрести имя и зверя, – отчеканил Хэсситай. Эти слова он запомнил хорошо. Наставник часто твердил ученикам, что не знает и не может знать, кого они встретят и с чем столкнутся, проходя Посвящение, – но их непременно спросят, зачем они явились, и ответ нужно дать подобающий. Обрести имя и зверя. Эти слова Хэсситай повторял так часто, что они слетели с его уст как бы помимо воли.

– Зверя? – усмехнулся рыболов. – Тут всех зверей – только ты да я.

У Хэсситая в глазах потемнело. Безымянные нередко рассказывали друг другу страшные байки о Посвященных и Посвящении. Истории о бедолагах, так и не повстречавших своего боевого зверя, своего потустороннего наставника, были среди них в большом ходу. Хэсситай и сам с удовольствием пересказывал эти душераздирающие повествования мальчикам помладше. Но ни одного воина, лишённого зверя-покровителя, ему среди Ночных Теней встречать не доводилось. Неужели это не досужие вымыслы? Неужели такое может случиться? Неужели такое может случиться с ним?

– Не может быть! – вырвалось у него. – Они, наверное, где-то прячутся...

Рыболов пожал плечами.

– А вы хорошо искали? – донельзя несчастным голосом спросил Хэсситай.

– Не искал, – невозмутимо ответил рыболов. – И тебе не советую. Сам ведь знаешь: если искать то, чего нет, обязательно наткнешься на то, чего не искал. На что-нибудь ненужное.

– Но мне очень нужен зверь, – попытался возразить Хэсситай.

– А ты ему? – поинтересовался рыболов. – Если ты ему нужен он и сам тебя найдет. Объявится через недельку-другую. Если это твой зверь, ты узнаешь его сразу. И незачем тебе совать свой нос под все лопухи придорожные. А если ты ему не нужен, тем более незачем. Ты его не найдешь.

Он поддернул сползающую штанину.

Недельку-другую... что ж, в этом есть свой резон. Вот, наверное, почему Посвященные не сразу называют своего зверя. Вот почему так долг срок очищения после обряда. Наверняка иным воинам их зверь явился не сразу, а погода, во время очистительного поста... но вправе ли Хэсситай надеяться на такое чудо?

А может, в этом и состоит последнее испытание? Проявит он упорство или малодушно отступится?

– Я все-таки пойду поищу, – решительно заявил Хэсситай.

– Рыбу, значит, ловить не будешь? – разочарованно вздохнул рыболов. Ну что ж, иди, коли так торопишься.

Хэсситай сделал шаг. Рыболов посмотрел на него, укоризненно покачал головой, взялся за ветку кустарника, сильно дернул – и у Хэсситая внезапно землю потянуло из-под ног. Он пошатнулся, вскинул руки, пытаясь удержать равновесие, но все же упал... и его ладони глухо стукнули о деревянный пол.

Мастер Хэйтан подошел к нему и помог сесть.

– Наконец-то ты очнулся, – сказал Хэсситаю наставник. – Я уже, честно говоря, беспокоиться начал.

В этот миг Хэсситаю было не до раздумий: руки-ноги словно кипятком налились, в голове звенит... в обморок бы от слабости не хлопнуться. Но впоследствии он размышлял не раз: а что случилось бы, останься он половить рыбу? Возможно, его зверь уже тогда вышел бы на бережок полакомиться уловом... а возможно, Хэсситай на веки вечные остался бы у ручья... а может, и что похуже? Ответа он не знал, как не знал его и Хэйтан, которому ученик, как и велит обычай, поведал о пережитом во время Посвящения все, кроме одного – удалось ли ему встретить своего зверя: об этом расспрашивать не принято. Но о звере мастер Наставник как раз и не расспрашивал: довольно уже и того, что Хэсситай встретил человека... право же, есть о чем призадуматься.

Спящие дышали так тихо, что человек несведущий принял бы их за мертвых. Человек пятнадцать лежат и видят сны – и хоть бы чье дыхание превратилось в храп или хотя бы в уютное сонное посапывание. Хэсситай позволил себе вздохнуть только мысленно: настоящий вздох прозвучал бы в молчаливой ночной темноте наподобие грохота.

Хэсситаю не спалось. Он не раз и не два расслаблял тело до плавной текучей мягкости, шептал мысленно слова, заставляющие уснуть раньше, чем окончишь их произносить. Бесплезно. Дух его не был спокоен. А когда душа мятется, даже сонное зелье, одна щепоть которого и слона заставит храпеть во весь хобот, и то не усыпит, хоть ты целую горсть этого снадобья в рот запихай.

Вокруг Хэсситая спали невесомым чутким сном его сверстники и годки. Те, с которыми он так недавно вместе проходил первое, юношеское еще Посвящение и наречение имени. Те, чья кровь стала его кровью во время священного таинства. Сотаинники. Собратья.

Сотаинники, как бы не так.

Хэсситай на Посвящение надеялся люто, свирепо надеялся. Очень его измаяло одиночество. Чужой он здесь. И всегда был чужим. Эти аони родились здесь, знали друг друга с первых

дней жизни, с первых шагов. Хэсситай пришел в клан восьми лет от роду. Наскочил ветер ни с реки, ни с поля. Посторонний. Чужой. Да не просто чужой – другой. Как говорится, собачий рог, олений коготь. Глупо, наивно было надеяться, что рог приживется на собачьей голове. Не место ему там. Но Хэсситай надеялся. Надеялся вопреки очевидному. Вопреки всей той враждебности, которой встретили его ровесники.

В первый же день его избili – деловито, молча и жестоко. И совершенно равнодушно. Просто чтоб поучить стороннего паренька уму-разуму. Уличная шпана измолотила бы его в кровь, но эти мальчишки хорошо знали, как бить и убивать, не оставляя следов, даром что ни один не был старше Хэсситая. Уже знали. Мастер-наставник отнял его обеспамятевшим от боли, но на теле Хэсситая не было ни единого синяка. Если к утру он бы помер от побоев, мальчишки могли бы гадать вслух, отчего сподобился ноги протянуть новый парнишка – такой вроде крепкий на вид, хоть и заморенный немного, а вот поди ж ты... Всыпал им тогда мастер так, что аж звенело. И новичка бить запретил.

Это было хуже всего.

Если бы мальчишки продолжали его бить время от времени... ну что ж, он бы то ли помер, то ли нет. Помер бы – так есть ли ему зачем жить. А выжил так стал бы для них если и не своим, то хотя бы и не совсем чужаком. Сами-то они друг дружку бивали не раз, и старшие в их разборки встревали редко: насажают сопляки себе синяков поперек ребер, так крепче будут. Это после Посвящения драться нельзя. Позорная смерть ожидает посмевшегося поднять руку на своих. Так ведь до Посвящения никто никому не свой. И именно в жестоких мальчишеских драках и выделяются свои, которые будут проходить Посвящение вместе.

Конечно, мастер по-своему прав: то, что для этих мальцов было всего лишь дракой, могло прикончить Хэсситая на месте. Но сверстник, которому нельзя и по затылку съездить... Запрет мастера-наставника свят, и никто не посмел переступить через него. Хэсситая больше не били... но лучше били бы. Ибо Хэсситай сделался для ровесников не чужим даже, а вроде как бы мертвым. Только вот мертвым в жертвенную пищу никто дохлых крыс не подкладывает. Зачем бить, если можно тихо изводить, подстраивать мелкие и не очень мелкие пакости, гадить исподтишка – да так, что, если и вздумает новичок пожаловаться, ни на кого с уверенностью указать не сможет. То есть смочь-то он сможет: мальчишки всегда каким-то неведомым образом чуют, кто именно налил им сапожного вара в ботинки, даже если истинного виновника нигде нет поблизости и за делом его никто не видел.

Но доказать отвергаемый чужак ничего не сможет – а посему пусть чувствует себе на здоровье.

Если бы только мастер-наставник не запретил его бить! Тогда Хэсситай мог бы подкараулить кое-кого из заводил и отметить так, чтоб памятно было. Еще не прожив в клане и года, он уже был вполне способен постоять за себя: здешняя выучка пошла ему впрок. Но можно ли ударить того, кто тебя ударить не смеет и не ударит? Пакостить в ответ или доносить Хэсситай не хотел, ответить на обиду кулаками не мог. Оставалось одно: все время быть начеку, прятаться, уворачиваться. Вот уж прятаться Хэсситай умел, как никто из его сверстников. Ему в отличие от них уже приходилось скрываться от смерти – не той, понарошку, что подстерегает в учебном поединке зазевавшегося ученика, а самой что ни на есть окончательной, настоящей. Именно поэтому Хэсситай умирал понарошку гораздо реже своих более умелых сверстников. За что и снискал от них только большее отчуждение.

Боль всегдашнего отчуждения давно уже сделалась для Хэсситая привычной. Это раньше она жгла его, словно негаснувший уголь. Давно уже уголь подернулся пеплом, покрылся седой золой. Хэсситай думал, что уголек и вовсе погас, ан нет. После посвящения золу и пепел сдуло напрочь, и жарко пылающий уголь вновь прикасался к старому ожогу. Последнюю свою надежду Хэсситай возлагал на таинство посвящения. Он думал, что уж теперь-то все пойдет совсем по-иному. Сотайнику никто не будет пакостить.

Ему и не пакостили больше. Его и вовсе перестали замечать. Хэсситай вытолкнул воздух из легких медленным беззвучным толчком. Вот они лежат и спят, его сотаинники. Подростки, каждый из которых способен убить самого лучшего воина, хоть бы и полевого агента, пятью-шестью проверенными способами. Остановить собственное сердце – на время или навсегда, это уж смотря по тому, что нужно. Бегать так быстро, что приложенный к груди лист бумаги не упадет наземь – так сильно его прижмет встречным ветром. Хэсситай так быстро бегать не умел – только убежать. Он и вообще многое умел хуже тех, кто учился этому мастерству с рождения. А кое-что умел и получше.

Как же глуп он был, когда надеялся завоевать уважение этих парней, совершенствуясь в их же ремесле!

Когда у него что-то не получалось, ровесники презирали его. Когда получалось, презирали тем сильнее: да как он еще смеет что-то уметь, наволочь приبلудная!

Старшие ученики – те, что прошли свое юношеское посвящение на пару-другую лет пораньше, – эти хоть что-то смыслили. Их уважительные взгляды Хэсситай хоть изредка, да ловил. Правда, уважали его в основном за несгибаемое упорство и каторжный труд до кровавого пота, а не за достигнутый результат, ухитряясь самым непостижимым образом этого результата не замечать, даже если он был несомненным. Уважали не как своего, а как чужака, который навсегда останется чужаком, существом иной породы. Да и мог ли он добиться большего от этих воинов, не будучи воином по рождению и воспитанию? Как могут дворовые псы уважать приبلудного котенка, который после долгих трудов выучился лаять по-собачьи, несвойственным ему басом, совершенно чисто, без малейшего следа кошачьего акцента...

Хэсситай так живо представил себе злополучного котенка, что ему поневоле сделалось смешно. Он сдавленно хрюкнул, огляделся пугливо – нет, не проснулся никто. Но он не дал своему смеху вырваться наружу – и смех остался в нем. Смех жил внутри, колотился о грудь, рвался на волю. И чем сильнее Хэсситай пытался его подавить, тем строптивее клекотал внутри неугомонный смех.

Хэсситай вскочил и выбежал за дверь – в набедренной повязке, босиком, даже не пытаясь одеться. Еще минута промедления, и самовластный смех вырвется на свободу и перебудит весь клан. Некогда штаны напяливать бежать надо, да побыстрей.

Хэсситай никогда еще не бегал так быстро. Сейчас он не уронил бы со своей голой груди не то что лист бумаги – пожалуй, даже старинный тяжелый щит встречным ветром удержало бы. И так легко – до лесной опушки он добежал, даже не запыхавшись. На опушке Хэсситай остановился, вздохнул глубоко, поднял голову, посмотрел в ночное небо, осыпанное нечестными звездами, и неудержимо расхохотался.

Он хохотал, пока не обессилел, пока не подломились враз ослабевшие колени, пока слезы не потекли по щекам – и все равно не мог остановиться.

– Котеночек... – стонал Хэсситай, сотрясаясь смехом, – глупый котеночек... глупый... а лаять я больше не стану, не дождетесь... а вот мяу вам, господа собаки! Мяу вам всем!

Он вскочил на ноги одним прыжком, тряхнул головой – и по лесу прокатилось грозное, как вызов на смертный бой, громовое: «Мя-я-а-а-у!» И новый взрыв хохота.

Глава 2

– Хасами! Хасами!

Маг не спешил откликнуться на призыв разъяренного короля, и ничего странного в том не было. Принц Югита подумал, что маг был бы и вовсе дураком, вздумай он поторопиться на зов: его величество король Сакуран и трезвый-то способен свернуть голову любому, кто под руку попадется, просто так, забавы ради. А уж пьяного Сакурана следовало бояться, как землетрясения. Югита знал по опыту: не так страшно в подобном случае промедлить, как явиться на зов вовремя. Только уж медлить надо по-настоящему. За минутное опоздание незадачливого слугу могли, самое малое, вздернуть на кол. Нет, ждать надо не минуту и не две. Ждать надо, покуда король охрипнет, изойдет пьяным криком, суля ослушнику такую жуткую расправу, что и вчуже содрогнешься. Ждать, пока король, оторавшись, попросту ляжет и уснет внезапно, завернувшись в шитую золотом шелковую занавесь или в драгоценный старинный гобелен. А протрезвев, забудет, кого он давеча звал и чем грозился.

Правда, в последнее время избегать мучений подобным образом становилось все трудней. С тех самых пор, как при нем завелся маг, вот этот Хасами. Во-первых, в отличие от короля Хасами всегда бывал трезв и ничего не забывал. А во-вторых, со времени его появления короля почти никто не видел трезвым. Теперь подобным образом спасался от монаршего гнева только сам придворный маг, его светлость господин Хасами.

А спастись ему стоило. Пьяного Сакурана лучше не гневить. Между тем король был снова пьян. Пьяней вина, мрачно подумал Югита, наблюдая за отцом сквозь щелочку в занавеси. Лицо короля было густо набелено: под белилами не так заметны синюшно-красные пятна, обычно проступающие на королевском лице после двух-трех часов обильных возлияний. Но эта стадия опьянения миновала вскоре после полудня. Сейчас, когда где-то за стенами дворцового сада ночной сторож стуком деревянной колотушки оповещал всех добропорядочных горожан о своем присутствии, лицо короля было мертвенно-бледным. Свинцовая бледность сквозила даже через толстый слой белил. К тому же наложены белила неровными пластами, кое-где краска попросту осыпалась с лица, кое-где ее от пота повело причудливыми разводами.

– Хасами! Где ты там, кишка сушеная?! Хасами!

Югита прикусил губу, чтоб не разрыдаться. Он все еще не мог привыкнуть, хоть и созерцал подобные сцены почти ежедневно. Ну, пристало ли королю белить лицо, как изнеженному придворному щеголю – да не затем, чтоб покорить сердце неуступчивой красавицы своей деланной утонченностью, а чтоб скрыть свою пьяную харю?

Молоденький слуга уже подбегал к двери, когда Югита вывернулся из-за занавеси, незаметно выскочил в коридор и изловил бегущего слугу за ухо.

– Куда, дурак? – выдохнул Югита в пойманное ухо яростным шепотом.

– Его светлость господин Хасами изволили велеть передать, что сей момент придут, – испуганно ответил слуга.

– Вот сам пускай о себе и докладывает, – прошипел Югита. – А если будет чем недоволен, скажи – мол, его высочество так приказали. Высочество все же рангом повыше какой-то там паршивой светлости.

Когда Югита отпустил ухо, слуга не заставил долго себя упрашивать уйти: он словно бы в воздухе растворился. Югита зло стиснул губы. Доложить, значит, велел? Ах ты, стервец, твоя светлость! Ясно же, на что рассчитывал господин Хасами. На то, что король сорвет весь свой ужасающий гнев на этом беззащитном мальчишке, а на твою долю почти что и ничего не достанется? Как бы не так. Сам прогневил, сам и расплачивайся. А что, неплохой подарочек я тебе преподнес, господин Хасами? Главное, что неожиданный.

Неожиданности, впрочем, не получилось. Поспешая по коридору, господин маг успел заметить принца. Отсутствие слуги от него тоже не укрылось. Хасами нахмурился. Югита в ответ вскинул голову и улыбнулся обворожительно-дерзкой улыбкой.

– Хасами! Хаса-ами!

Придворный маг взглянул искоса на строптивного принца, чуть помедлил, словно делая мысленную зарубку на память, и перешагнул порог королевских покоев.

Дверь затворилась.

Югите нужды не было прикидывать к ней ухом, чтобы разузнать, что происходит там, внутри. И так все было слышно. Поначалу никакой членораздельной речи не раздавалось – только пьяный рык и дикий грохот: судя по звукам, Сакуран швырял в своего придворного мага различными предметами домашнего королевского обихода разной степени тяжести. Судя опять же по звукам, не попал он ни разу.

– Так-то ты мне служишь? – наконец взревел король.

– Не соблаговолит ли его величество сообщить мне, о чем идет речь? – А это уже Хасами говорит. Опытным слухом Югита уловил, что звук его ненавистного голоса идет как бы сверху вниз, уходит в пол. Значит, говорит он, кланяясь. Похоже, его величество, пытаясь расплющить в лепешку своего мага, расшибся и сам – а значит, на какое-то время он безопасен. Не стал бы Хасами спину гнуть перед королем, если бы тот был в состоянии еще хоть что-нибудь кинуть.

– О чем? – заорал король. – О том докладе, который я сегодня получил! Почему ублюдок казненного изгнанника Отимэ еще жив? Почему я до сих пор об этом не знал? Почему о нем мне сообщают мои люди, а не ты, дармоед?

– Потому что я не хотел волновать ваше величество попусту, – смиренно ответил Хасами. – На сей раз я сам намерен заняться этим мальчишкой.

– Сам! – передразнил король. – Много от тебя толку, когда ты сам за дело берешься!

Из-за двери послышался грузный шлепок и тоненький визг. Югита ухмыльнулся. Переоценил Хасами королевское опьянение. Давно уже Сакуран не утрачивает по пьяному делу ни связности речи, ни былой подвижности – только память и остатки совести. Зря Хасами прошел в такой близости от пьяного короля.

– Сам ты уже натворил дел, – продолжал король. – Сам ты мне сообщил, что Отимэ представляет для меня опасность, и я его изгнал – что ж ты сам не доглядел, что в ссылке он окажется еще опасней?

– Я ведь докладывал вашему величеству, что опасен не сам Отимэ, а его дети, если они у него родятся, – сдержанно отвечивал Хасами. – Кто ж мог знать, что в ссылке-то он и женится? За опального не всякая пойдет...

Что верно, то верно, подумал Югита. Покойная жена покойного Отимэ была женщиной незаурядного мужества. Иначе побоялась бы связать свою судьбу с изгнанником.

– И разве не я советовал вашему величеству, как только сведал, что у Отимэ есть сын, покончить со всей их семейкой разом? Дурную траву с корнем вон... И ведь не я упустил мальчишку, ваше величество, а ваши люди. Те самые, что теперь имеют наглость винить меня в небрежении и доносить на меня.

– С ними потом разберемся, – хмыкнул король, и Югита затрепетал, представив себе воочию, чем обернется для этих людей долгая и верная служба.

– А где сейчас мальчишка? – как бы невзначай поинтересовался Хасами.

– Я только знаю, где он был тогда, – огрызнулся король. – Знаю кто помог ему скрыться. И только.

– Так ведь и этого довольно, – заметил Хасами. – Дайте мне только в руки человека, который хоть раз виделся с мальчишкой, и я смогу учуять его след. Даже если на допросе этот человек ничего не скажет. Конечно, лучше, чтобы сказал... взять магический след – дело долгое и хлопотное. Но на крайний случай я и так обойдусь.

Югита так сильно сжал кулаки, что кровь едва не брызнула из-под ногтей. Он и так был готов на многое, лишь бы насолить Хасами. Даже если бы речь шла о человеке и вовсе ему не знакомом. Но Югита многое слышал от слуг о веселом улыбочивом Отимэ, отправленном в ссылку еще до рождения Югиты. Отимэ был начальником дворцового караула и оставил по себе добрую память. Эта память была Югите очень дорога. Она не давала ему окончательно извериться в людях и утратить остатки мужества. Когда принц, бывало, плакал втихомолку под жестким парчовым одеялом, он повторял себе рассказы слуг и стражников, не забывших еще то времечко, когда караулом командовал молодой красавец Отимэ. И мальчик Югита упрямо твердил себе: раз такие люди даже при дворе случаются, значит, на свете их и вовсе не мало. И когда-нибудь рядом с ним будут именно такие люди. Для человека, который помог скрыться сыну ссыльного Отимэ, Югита был готов не просто на многое – на все. Он бы жизнью рискнул, лишь бы предупредить беднягу, что на него объявлена охота. Вот только имя этого храбреца не назвали ни король, ни Хасами. И узнать это имя Югита уже не успеет. Таких дел ни его величество, ни Хасами в долгий ящик не откладывают. Можно биться об заклад, что прямо сейчас Хасами составляет указ. Еще через минуту король его подпишет. А еще через пару мгновений запечатанный пакет с указом будет вручен кому следует. Охота началась.

– А что нам толку говорить? – возразил Китанай. – Вы ведь, мастер, все едино нам не верите.

Мастер-наставник Хэйтан даже не усмехнулся в ответ на его слова. Это ведь он нарочно упирается, вид только делает, будто ни словечка не скажет, а у самого губы так и трясутся – вот-вот слово сронят раньше, чем голова подумает. Полагает, болван этакий, что если впрямую сказать, так мастер то ли станет слушать, то ли нет. А вот если раззадорить, растравить любопытство, заставить себя упрасивать, то уж тайне, взятой с бою, мастер поверит непременно. Как ему только в голову взбрело, что мастер-наставник попадется на такую немудреную приманку? Ну не наглость ли – пытаться обмануть своего мастера, не умея и соврать толком? Если бы Китанай и впрямь случайно обмолвился о том, что хочет утаить, не стоял бы сейчас, как за пятки к полу приколоченный. Давно бы уже сказал: «Дозвольте идти, мастер». Еще и теперь сообразить не поздно. Поклониться мастеру, испросить прощения за дерзость – и за дверь. Глядишь, и поверил бы Хэйтан, заинтересовался бы... Нет, стоит как стоял и ответа ждет на выходку свою дурацкую. Так мастера глазами и ест, даже не смигнет.

Хэйтан молча взирал на Китаная. Красивый парень, спору нет. Высокий, ладный. Губы улыбочивые, глаза ласковые, с поволокой. Блудливые, одним словом, глаза. Повадливые. Такому незачем прокрадываться во вражеский стан, рискуя жизнью. Незачем ему и караул снимать и военный совет подслушивать. Такому любая женщина любую тайну сама поверит. И упрасивать ее не придется – сама, своей охотой все поведает, да еще и умолять станет, чтоб выслушал. Китанай уже не раз и не два добывал таким образом ценные сведения. Вот и привык ломаться, чтоб разлюбезных своих заинтриговать покрепче. Надо будет парня в каком-нибудь другом деле испробовать. Не то истаскается по служанкам да придворным красавицам, изблудится совсем, мастерство подрастеряет. Если разведчик умеет обмануть женщину, но не мужчину, жизнь его недорого стоит. А Китанай куда как к этому близок. Он уже пытается хитрить на привычный лад, не дав себе труда подумать, а проймут ли эти хитрости намеченную жертву. Надо ему дело менять... а то и вовсе на время от всякой работы отрешить. Иначе добром его оплошки не кончатся.

– Иди, Китанай, – промолвил наконец Хэйтан. – Я и так вижу, что ты наладился мне очередную байку скормить.

– Никакую не байку, – запротестовал Китанай. – Это все знают, только вам сказать бояться.

– Ну, если все знают и никто не проговорился даже ненароком, скучающим голосом произнес Хэйтан, – то никакая это не тайна. Что-нибудь важное уж непременно бы сболтнули.

Одно из двух: либо я твой секрет уже знаю, либо он и вовсе пустяковый. Так что ступай прочь, Китанай. Дозволяю.

Если Китанай воображал по молодости лет, что ведет тонкую игру, то Хэйтан даже и не старался оплести ученика особо хитроумным образом. Все его подначки были на виду, он дразнил Китаная, провоцировал его примерно на тот же манер, что и сам Китанай – его. Хэйтан был почти уверен, что Китанай учует подначку. Может, и обидится в душе, что его пытаются провести за нос таким нехитрым приемом, словно он не воин второго Посвящения, а новичок первоучебный. Однако Китанай в запале ничего не почувствовал. Да, от работы его надо отлучить, и немедленно. Не то натворит он дел...

– Не гоните меня, мастер. – Раззадоренный должным образом Китанай даже притворство отбросил. – Если я сейчас не скажу, потом ни у кого и подавно смелости не останется.

А, вот мы и добрались до сути. Не проговорился ты ненароком, Китанай. Ты сказал то, что и собирался. И не сам ты затеял голову мне морочить. Тебя прислали.

– Ну что ж, выкладывай, куда я не передумал, – поморщился Хэйтан.

На душе у Хэйтана было скверно. Он уже знал, о ком заговорит Китанай. Сам ли этот юнец вызвался пойти к мастеру с доносом, жребий ли ему такой выпал, или его избрали после долгих препирательств... какое это имеет значение. Любые неполадки с любым из обычных учеников давно дошли бы до сведения мастера. Но если несколько человек вместо того, чтобы прийти к Наставнику со своими сомнениями, стряпают донос и тем или иным образом выбирают доносчика... речь могла идти только об одном ученике. О любом другом Китанай все бы давно выложил, не чинясь. Ишь, как он мнетя. Прикидывает, с чего бы половчей начать.

– Так что же на сей раз натворил Хэсситай? – скучающим тоном поинтересовался Хэйтан. Китанай вытаращил глаза.

– С наветом на кого другого ты бы так не осторожничал, – пояснил Хэйтан.

– Это не навет! – возразил Китанай. – Это чистая правда. Хэсситай каждый день ходит на сторону. Давно уже.

Нет, положительно, и Китаная, и всех прочих его сотаинников надо приструнить, не откладывая. Уж если собрались наушничать, так хоть измыслили бы что-то путное!

– Давно, говоришь? – язвительно переспросил Хэйтан. – Так что ж вы мне об этом только теперь говорите?

– А мы хотели сведать сначала, куда он ходит, – ответил Китанай.

– И куда же?

– Не знаю, – тихо произнес Китанай, опустив голову. – Никто так и не уследил.

Лицо его переделалось такой злобой, что Хэйтан внезапно усомнился – а так уж ли лжив очередной навет? Китанай, как и прочие его сотаинники, ненавидит Хэсситай так давно, что уже свыкся со своей ненавистью. Она перестала быть чувством, сделавшись привычкой. И вдруг новый, совершенно неожиданный взрыв ярости... должна же тому быть какая-то причина. Если же Хэсситай и впрямь неоднократно ускользал из-под бдительного надзора своих одноклассников-сотаинников... да, тут в пору взбеситься. Опять этот несносный Хэсситай оказался хитрее, сильнее, сообразительней. Снова доказал, что по праву может именоваться любимым учеником мастера Хэйтана. Шею бы ему свернуть, этому любимчику, вот что!

– Иди, – сухо велел Хэйтан.

– Да... но Хэсситай как же?

– Иди, – совершенно ровным голосом повторил Хэйтан, и Китанай опрометью вылетел за дверь.

Хэйтан подошел к окну. Не стоит посылать Китаная за тем, на кого он донес. Если только в доносе есть хоть тень правды, Хэсситай мигом учует неладное. А если Хэсситай ни в чем не повинен, тем более – все равно ведь почувствует, что Китанай затеял против него какую-то игру. А уж когда прознает, какую... конечно, поделом будет незадачливому доносчику, да ведь он еще

для дела нужен. Хотя препятствовать Хэсситаю Хэйтан не станет. Срам какой – на сотаинника доносить. Даже если он и в самом деле виновен. За мелкий проступок он перед мастером не ответчик, а серьезную вину сотаинники должны разбирать своим судом – или кишка у них тонка призвать Хэсситаю к ответу?

Ладно, с этими поганцами после разберемся. Сперва нужно с Хэсситаем управиться. Высмотреть какого-нибудь мальчишку из безымянных еще и велеть ему кликнуть Хэсситаю к Наставнику.

Однако искать гонца не пришлось. Вот он, Хэсситай, тут как тут. Хэйтан открыл было рот – позвать ученика, – но тут же передумал. Нельзя прерывать Пляску. Да и невозможно.

Есть три степени овладения воинским искусством. Новичок, загоняя себя до седьмого пота, осыпает воздух бессмысленными ударами, и нет в них ни пустоты, ни наполненности – одна только жажда измолотить невидимку. На смену этой пустопорожней суете приходит строгая изысканность подлинного воинского канона. Не всякому дано пройти путь от потного ученического дерганья до точного исполнения канона – одно отстоит от другого, как погреб от крыши. Но от канона до Пляски – как от крыши до звезд. Не всякий отважится на прыжок с крыши – и почти любой, кто осмелится, рухнет с высоты и разобьется. Хэсситай был одним из немногих, кто не разбился. Хэйтан наблюдал за его Пляской, забыв обо всем. Не всякому мастеру удастся вырастить хоть одного ученика, способного Плясать. И уж тем более Плясать так часто. Пляска, великое единение воина с самим собой и с мирозданием. Счастлив тот воин, который смог увидеть это нечеловеческое совершенство. Ибо Пляшущий – не только человек, но еще и... что? Хэйтан не знал ответа на этот вопрос. Он был воином, мастером, наставником, кем угодно... но Плясать он не умел. Не пришло еще его время. Обычно Пляшут в более преклонных летах... тем более удивительно, что юнец Хэсситай способен плясать – в его-то годы... когда угодно, где угодно, сколько угодно.

Между тем Хэсситай окончил Пляску. Хэйтан дождался, пока он совершит поклон, и немедленно окликнул его.

– Хэсситай, поди сюда, – произнес он и тут же отошел от окна. Незачем ему смотреть, что именно сделает Хэсситай перед тем, как прийти на зов. То же, что и всегда, закончив Пляску. Он сдвинет мышцы груди. И котенок, изображенный слева, соприкоснется мордочкой с миской, украшающей правую сторону груди. Хэсситай после Пляски всегда «поил котенка».

Каждый раз, когда Хэйтан наблюдал, как его ученик «поит котенка», ему хотелось залепить парню такую оплеуху, чтоб три дня в голове звенело. Неужели Хэсситай не понимал, на что нарывается, когда избрал своим боевым символом этого котенка? И ведь как настаивал! Даже от услуг татуировщика отказался: не подменили бы рисунок каким-нибудь другим! Сам же перед зеркалом и накалывал себе котенка собственноручно, глядя шалыми глазами на собственное отражение. Неужто и вправду не тигр, не дракон, не журавль, не медведь, не какой иной зверь, а котенок этот треклятый снизошел к Хэсситаю во время Посвящения?

Дверь открылась. Хэсситай вошел, ступая спокойно и уверенно, как человек, не знающий за собой ни малейшей провинности. Хэйтан устыдился собственных подозрений. Ему захотелось отослать Хэсситаю, даже не расспрашивая. Донос Китаная в эту минуту казался мастеру-наставнику немыслимым бредом.

– Звали, мастер? – спросил Хэсситай, отдав поклон.

Хэйтан уже совсем было сказал: «Ступай, я передумал»... но нет с Хэсситаем это не пройдет. Лучше сообщить ему все как есть и покончить разом со смердючим наветом.

– Жалоба на тебя поступила, – усмехнулся Хэйтан, – будто бы ты постоянно ходишь куда-то. Сотайникам не сказавшись, меня не спросясь...

Хэйтан ожидал, что Хэсситай улыбнется и скажет: «Ерунда какая». Он был в этом попросту уверен.

Но Хэсситай одним плавным движением молча опустился на колени, сомкнув руки за спиной и склонив голову.

Хэйтан остолбенел. Поза полного и безоговорочного признания своей вины. Поза, выражающая готовность принять любое, сколь угодно тяжкое наказание. Значит... правда?

– Значит... правда? – хрипло спросил Хэйтан.

– Правда, конечно, – ответил Хэсситай.

– Каждый день, – словно бы не вполне веря собственным словам, вымолвил Хэйтан. – И куда?

Хэсситай не ответил. Он смотрел куда-то не то вдаль, не то и вовсе внутрь себя. Хэйтану показалось даже, что в уголках его губ притаилась непонятная усмешка... да нет, какое там – причудилось наверняка.

– Так куда же ты ходишь? – повторил Хэйтан.

Хэсситай по-прежнему молчал – только опустил голову еще ниже таким резким движением, что плохо закрепленная заколка соскочила с волос, и они рассыпались, совершенно скрывая лицо.

Ах вот ты что задумал, маленький поганец!

Не только сотаинники, а даже и безымянные поначалу не упустили случая выказать свое презрение Хэсситаю – чужаку, пришельцу из бестолкового внешнего мира, невеже и невежде, не знающему обычаев. На самом же деле никто из них не знал обычаи Ночных Теней в таких мельчайших тонкостях, как Хэсситай. Как и где сесть, как встать, как выразить почтение, преданность долгу, как смертельно оскорбить без единого слова, как должно кланяться сверстнику, превосходящему тебя мастерством, а как – мастеру, который тебе и в подметки не годится... все ритуальные жесты, все церемониальные телодвижения! Если бы у Ночных Теней существовала, как во внешнем мире, должность министра по церемониалу, Хэйтан выдвинул бы на нее Хэсситай, не колеблясь ни минуты. Мальчишка изучал обычаи с такой истовой серьезностью, что и молча способен высказать что в голову взбредет с помощью одних только ритуальных жестов. Вот как сейчас, например. Это ведь Хэйтану только подумалось, что Хэсситай покорность свою демонстрирует. Как бы не так, мастер-наставник! На колени-то он встал, все верно. И руки, сомкнутые за спиной, как у преступника перед казнью, действительно выражают готовность эту самую казнь принять. Но Хэйтан слишком часто видел, как перед ним валились на колени уже уличенные в серьезном проступке воины – те, кого следовало карать, а не допрашивать. Хэсситай признал свой проступок, но и только. Тайной своей он делиться не намерен. Иначе не за спиной он бы руки сомкнул, а перед собой. Ритуальный жест исповеди: «Из рук моих в руки твои тайна моя уходит». И лишь потом завел бы руки за спину. И не забыл Хэсситай об этом обычае, а с хорошо обдуманной дерзостью пренебрег им. Он смиренно признал за наставником право карать – но не допрашивать. Смирненно, ничего не скажешь! Да это не смирение, а открытый бунт! За такое и впрямь в пору снять с плеч эту покорно склоненную голову с рассыпавшимися волосами. Наглый щенок, даже на коленях смеющийся бунтовать!

– Если я тебя правильно понял, ты был бы и под пытками намерен упорствовать? – процедил Хэйтан.

Хэсситай поднял голову и улыбнулся, уже не таясь. Прядь волос скользнула по его щеке. Другая прядь повисла перед носом. Хэсситай легким выдохом отдул ее в сторону и лишь тогда ответил.

– Правда ваша, мастер, – произнес он. – Еще как намерен. Это только мое дело и больше ничье. Интересов клана оно не затрагивает.

– В этом я не сомневаюсь, – скривился Хэйтан. – Это разве что твои сотаинники безмозглые могли бы предположить, что ты предаешь нас.

– Тогда я могу идти, мастер? – безмятежно поинтересовался Хэсситай.

– К Богу Казней ты можешь идти! Прямоком на жертвенник! – взбеленился Хэйтан. – Вот ведь наглец! Разве же об этом речь? Или ты забыл, что жизнь воина из Ночных Теней принадлежит клану? Уже одно то, что ты утаиваешь часть этой жизни... да для любого из сыновей клана это трижды веская причина, чтобы проститься с нею!

– Но я не принадлежу к сыновьям клана, – негромко напомнил Хэсситай. И те, кто донес вам на меня, этого не забывают.

Крепко сказано. Ни возразить, ни оттолкнуть. С точки зрения буквы закона парень прав. Он не рожден в клане, а всего лишь усыновлен. Строго говоря, Хэйтан его за сокрытие тайны смертью карать права не имеет... только за неповиновение. И то не смертью – усыновленного можно казнить только за предательство. Да, изрядно просчитались доносчики, надеясь навсегда избавиться от Хэсситая. Или они и не рассчитывали на подобный исход дела, а просто хотели подвести парня под наказание? Почти каждый из них за ту или иную вину жертвовал свою боль справедливому и бесстрастному Богу Казней... но не Хэсситай. Ни разу еще ненавистный любимец мастера-наставника не ложился на жертвенник этого грозного Бога. Ни одной каплей крови, ни одним клочком кожи, ни одним криком страдания он еще не накормил этого сурового блюстителя закона Ночных Теней. Значит, нынче время настало? На то похоже. Ну просто изо всех сил парень нарывается.

– Разве я хоть раз напоминал тебе, что ты здесь чужой? поинтересовался Хэйтан.

Хэсситай отвел глаза. Ах ты наглец!

– Не слышу ответа, – сквозь зубы произнес Хэйтан.

– Да, – нехотя ответил Хэсситай. – Один раз... в самый первый День... Когда вы меня забить не позволили.

Хэйтана словно под дых кто ударил. Он ведь не забыл о своей тогдашней ошибке. Ночные Тени не носят траур по близким... тем более мастеру-наставнику не пристало оплакивать кого бы то ни было. Даже если он не знает, где и когда погиб его единственный сын, и вовек не узнает... как и мальчик, приведенный в клан на третий день после того, как Хэйтану вручили добытый с превеликими трудностями нож его покойного сына, тоже ведь не узнает, от чьей именно руки погиб его отец... худенький молчаливый мальчик с обмороженными ногами... мальчик, которого мало не насмерть забили в первый же вечер... и только потому, что поглощенный горем Хэйтан препоручил его обустройство Ритгаю, а не занялся этим сам... Хэйтан отлично помнил, какой гнев его охватил тогда – и на безымянных, и на самого себя... как он позволил своему гневу и гору взять верх над разумом... как с его уст сорвался опрометчивый запрет. Да, он приказал никогда больше не бить новичка. Вот уж поистине язык опередил мысль. Мальчика надо было защитить как-то иначе. Одно-единственное неточное слово – и до чего же тяжело мальчик платился за эту оплошность наставника долгие годы... и по сейчас еще платится. Вот только вырос этот хрупкий застенчивый мальчик в непокорного юнца с наколотым на могучей груди котеночком.

А левая лапка у котеночка, к слову сказать, слегка подрагивает. Не так уж ты и хладнокровно дерзишь, Хэсситай, как прикидываешься.

– Три тысячи «поклонов облакам», – велел Хэйтан. – Медленных. Или нет... очень медленных.

Такой воин, как Хэсситай, три тысячи обычных поклонов отобьет, не особо надрываясь. Но выполнять это упражнение медленно даже и для мастера тяжело. А уж если замедлить темп еще вдвое, превратив рывки в плавные движения... обычному человеку допрос под пыткой перенести легче. Конечно, Хэсситай обычному человеку не чета, он ведь Ночная Тень, воин второго Посвящения, так что жив останется и даже оклемается в недолгом времени... зато вперед наука. На жертвенник парня Хэйтан отправлять не станет, незачем его позорить. И тем более незачем показывать его сотаинникам, что донос возымел действие. Но наказать наглеца

надо, чтоб впредь неповадно было. Вот Хэйтан с ним по-свойски и разделается. Бунт есть бунт, и пресекать его надобно в самом зародыше.

Назначив наказание, Хэйтан уставился на Хэсситая пристальным тяжелым взглядом. Ну вот ты только посмей еще заявить, что наказание твое не по вине тяжко, и я вообще тебе голову оторву, котенок ты шкодливый! Ты у меня еще домяухаешься...

Но нет. Хвала всем Богам, спорить Хэсситой не стал.

– Это за сокрытие тайны или за неповиновение? – только и уточнил он.

– За неповиновение, – с холодной свирепостью ответил Хэйтан. – О тайне твоей поговорим потом... когда тебе охота вспадет.

Хэсситой поклонился, как полагается принимающему заслуженное наказание, не размыкая рук. Все честь честью, все, как обычай велит. А чтоб тебе пусто было!

Хэйтан надменно кивнул в ответ. Хэсситой поднялся и вышел за дверь, так и не размыкая рук. Лицо его было таким безмятежным, что у Хэйтана мгновенно сделалось скверно на душе. Словно с него мастера-наставника, в присутствии всего клана сорвали меч и хайю и выбросили их в выгребную яму. Но почему? Почему?!

Под ногами что-то тихо хрупнуло. Хэйтан нагнулся и подобрал обломки... ах да, это же оброненная Хэсситаем заколка для волос...

Хэйтан хотел было выбросить сломанную заколку, но вместо этого безотчетно спрятал ее в рукав. Выбросить вещь, принадлежащую только-что наказанному ученику, отчего-то показалось Хэйтану немислимой подлостью.

Спрятал Хэйтан заколку и думать забыл. И вспомнил о ней не сразу. Лишь когда в дом убежал Китанай – только на сей раз его глаза уже не лучились довольством. На его перекошенном лице застыло выражение несусветного ужаса.

– Хэсситой сбежал! – вскричал он.

– Что значит – сбежал? – не понял Хэйтан.

– Не устерегли мы его, Наставник! – Китанай так и повалился мастеру в ноги. – Думали, раз он наказан, так до времени и не уйдет никуда, а после мы за ним присмотрим. А он той порой как раз и ускользнул... и нет его нигде... и опять никто не видел, в какую такую сторону он наладился...

Голос Китаная пресекался от испуга – на сей раз самого настоящего, непритворного. Он-то ведь всего-навсего и хотел ненавистному чужаку шкуру учинить. А в результате чужак удрал, и каких бед он способен натворить неизвестно.

– Уследить за ним... – процедил Хэйтан. – Где уж вам... одно слово умельцы. Да на вас с небес глядячи, Боги плачут.

Плечи Китаная даже не вздрогнули в ответ на любимое присловье Наставника – а ведь это он первым начал прозывать Хэйтана за глаза «Боги Плачут». Хэйтан был отлично об этом осведомлен и нимало не дивился, услышав краем уха, как безымянные втихомолку жалуются друг дружке: «Опять „Боги Плачут“ ко мне сегодня придирались». Ввернув свою обычную примолвку, мастер Хэйтан был почти уверен, что легкомысленный Китанай не сумеет сдержать усмешки... а незадачливый доносчик не то что сдержать – даже и усмехнуться не пробовал. Ишь как перепугался – со страху трясется, аж пол ходуном ходит!

Мастер Хэйтан поднялся на ноги и брезгливо взглянул на Китаная. Вот ведь растяпа! Если Хэсситой и вправду сбежал, то Хэйтану следует пускаться вдогон, да поживей. А этот обалдуй ползает по полу и мешает мастеру пройти – не то чтобы помочь, так он готов наставника за коленки хватать, скулить, голосить, упрашивать, пока прощения не вымолит. О себе только одним и беспокоится... воин!

Его счастье, что Хэйтан в побег Хэсситая не особенно-то и поверил. Не такой Хэсситой человек. Удариться в бега оттого только, что наказали... не так уж и тяжко отмеренное ему наказание, да и не настолько далеко простирается его своеволие. А вот дерзко удариться в

недозволенную отлучку, да не когда-нибудь, а в то самое время, когда он должен свое наказание отбывать... вот на это Хэсситая очень даже станет. Так что волноваться особо не о чем, никуда он не денется. Вечером, а то и раньше, объявится как ни в чем не бывало.

Вот только не может Хэйтан ждать вечера. Хэсситая должно найти раньше, чем он соизволит вернуться. Найти и приструнить, покуда не обнаглел и вовсе до беспамятства. После стольких-то удачных самовольных убегов попробуй не обнаглей. Попробуй не возомни о себе, когда сотаинники твои с ног сбились, тебя выслеживая, а ты от них что ни день отрываешься играючи. Того гляди, они от радости такой сбесятся, землю грызть начнут. А уж если окажется, что и мастер-наставник с тобой управиться неспособен... тогда и подумать страшно, что начнется. Нет, не может Хэйтан дожидаться вечера, чтобы отмерить тебе новое наказание – а заодно и проследить, чтоб ты снова не сбежал. Никак не может. Он просто обязан притащить тебя в клан за шиворот, чтоб ни у кого не осталось и малого сомнения: если кто и вздумает вольничать, то управа на него живо сыщется. Вот только еще знать бы, где тебя искать, ученик ты мой любимый, золотко ты мое ненавистное. Задал ты мастеру загадку, Хэсситай. Погоди ж ты мне, котенок! Весь хвост повиыдержажу!

Хэйтан легонько пнул ползающего Китаная под ребро. Тот ахнул и скрючился.

– Когда хоть его в последний раз видели, сказать можешь? – спросил Хэйтан, с трудом подавляя желание тряхнуть Китаная, да так, чтоб зубы повывлетели.

Китанай попытался что-то сказать, но не смог – только застонал и затряс головой.

– Спасибо и на том, – скривился Хэйтан. – Можешь идти. Дозволяю.

Китанай вновь натужно застонал, кое-как поднялся и вышел, держась за бок. Притворщик! Не так ему и больно, как он прикидывается. Даже и обычный воин от такого пинка не стал бы мычать, как стельная корова, а уж Ночная Тень и подавно. Да и вообще он легко отделался. Ударь его Хэйтан по мере своего гнева, а не его вины – ох и долго бы пришлось приводить его тело в приличный вид перед тем, как хоронить.

Да, но куда же все-таки мог запропасться Хэсситай?

Ночная Тень потому и обладает мастерством, обычному воину недоступным, что думает не только головой, а всем телом. Покуда грудь Хэйтана гневно вздымалась, а голова тяжело размышляла над загадкой каждодневных исчезновений Хэсситая, руки мастера без малейшего ее участия нашли ответ. Ну да и голова у Ночных Теней не только на то приспособлена, чтобы было куда рот приткнуть. Едва только пальцы Хэйтана нащупали сломанную заколку и вытянули ее из рукава, как мысли Хэйтана приняли совершенно иное направление.

Заколку эту Хэйтан раньше у Хэсситая не видел. Не то бы подивился. Вот уж о ком не скажешь, что у бедолаги две руки и обе – левые, так это о Хэсситае. Ловкие у него руки, мастеровитые, быстро-умные. Не такими руками эта заколка сделана. Изделие, вышедшее из его рук, Хэйтан не смог бы сломать, едва наступив, – пришлось бы хорошенько попрыгать сверху, да и то навряд ли. А тут извольте – ступить не успел, а под ногой уже хрунуло. И немудрено: кто же древесину волнистой яблони так обрабатывает! Узор не закреплен, края зашлифованы кое-как, все в заусенцах. Таковую заколку если как следует в прическе закрепить, так потом, пока ее снимешь, половину волос повиыдержажешь. Не странно, что Хэсситай плохо закрепил ее и потому уронил на пол – странно, что он вообще ее надел. Если бы сам ее сработал, надеть бы посоветился – экое барахло. И если бы купил... да нет, не купил, такое даже спяну не купишь. Значит, не своя это вещь и не покупная, а дареная. И тот, кто подарил, Хэсситаю сердечно дорог. Иначе он бы надел заколку при дарителе, чтоб не обидеть отказом, а потом бы снял потихоньку. А он это убожество не только не снял, а на голову пристроил.

Вот к тому, кто подарил, он и утягивается каждый день – а как же иначе! Не в городок поразвлечься – это ведь недоумок вроде Китаная мог бы предположить, что нахальный котенок по городским крышам гуляет. Ему себя на людях выставлять без надобности вовсе не след – и он это отлично знает. Да и притом дружки его сердечные, сотаинники разлюбезные,

живо бы сведали, покажись он хоть единый раз в городе. Нет, не развлекаться Хэсситай ходит. Другой у него интерес. Куда как более сердечный. И обретается этот интерес не так уж и далеко. Во всех окрестностях есть только один ложок, поросший волнистой яблоней.

К великому изумлению и восхищению Хэсситаевых сотаинников, мастер-наставник вышел вдогонку ровным твердым шагом. Он не рыскал, не шарил взглядом, не присматривался ни к чему и не принюхивался, не выискивал направление – он знал его совершенно точно. На то он и мастер. Не вам, оболтусам, чета. Вот потому-то вы даже и уследить за Хэсситаем не смогли, а мастер его в два счета сыщет. А вы гадайте себе, какое такое потаенное мастерство помогло наставнику взять след. Думайте сколько влезет. Не возбраняется. Полезное занятие.

Однако уходил Хэсситай все-таки с превеликим умением. Не знай Хэйтан, куда ему идти, он не раз и не два сбился бы со следа. Возможно, он бы и вообще не нашел Хэсситая. Никогда еще не было у мастера Хэйтана такого сообразительного ученика. Не гневаться в пору, а радоваться, что учение ему впрок пошло. Ничего, вот сыщет мастер беглого наглеца, учинит ему достойную трепку, гнев отведет – вот тогда и порадует. А сейчас не радоваться, а искать надо.

И все же Хэйтан едва не упустил Хэсситая в зарослях волнистой яблони и упустил бы, когда б не услышал его голос.

– А тогда старичок этот им и говорит: «Никогда не достигь вам Неведомой Земли, если не возьмете вместо обычного якоря деревянный».

– А зачем деревянный? – удивленно спросил чей-то звонкий голосок. Он ведь и не потонет даже.

– Вот и матросы о том же самом спросили, – ответил скрытый за деревьями Хэсситай. – Уже было сдумали, что рехнулся дедушка на старости лет. А он все одно на своем стоит: мол, без деревянного якоря пропадете вы все ни за грош, и только. И не видать вам Неведомой Земли...

Ступая неслышно, Хэйтан осторожно подобрался поближе к тому месту, откуда звучали голоса.

– А моряки что? – жадно спросил еще один голос.

– А что моряки? Пусть даже и не в своем уме чудной старикашка, так ведь если его послушаться, от них не убудет.

Теперь Хэйтан уловил, что голос Хэсситая, хоть и веселый, звучит как-то напряженно. Хэйтан слегка отодвинул ветви и глянул.

– Сделали они деревянный якорь, как им старый лоцман велел, и поплыли. А старик им путь указывает...

Еще бы голос не напряженный! Еще бы дыхание не сдавленное! Кто другой на месте Хэсситая и «ой, спасите!» из себя бы не выжал. Попробуй-ка поговори, исполняя «поклоны облакам»!

Хэсситай сбежал от надзора – но вовсе не от наказания. Что мастером велено, то он и делал. И исполнял все честно, хотя проследить за ним здесь было некому. Уцепившись ногами за высокую толстую ветку, Хэсситай ритмично подтягивался вверх, касаясь лицом колен, и снова распрямлялся, повисая головой вниз. Ритмично и медленно. Нет – очень медленно.

– А дальше что было? – спросил мальчик лет восьми. Другой мальчишка, постарше, уже и не спрашивал ни о чем – он молча сидел под яблоней, замороженно глядя на Хэсситая.

– Вот они вышли в Дальнее Море, нигде и края земли не видать, а лоцман и говорит, что теперь оно самое время и есть на якорь становиться. И кидает деревянный якорь в воду. Тут сразу темнота спустилась, и ничего как есть не видно. Трое суток ночь стояла. Совсем моряки измаялись.

– Но ведь потом рассвело? – почти жалобно спросил младший мальчик.

– Рассвело. Так и ахнули моряки: растет прямо из волн морских дерево преогромное, а на ветвях его земля простирается, и конца-краю ей нет. И всякой твари живой на той земле

место есть. И цветы на ней цветут, и травы колышутся, и деревья листвою шумят. И зверье там играет непуганое, и птиц на ветвях видимо-невидимо щебечет, и такая кругом красота, что и небо, и море словно смеются от радости. А лоцман старенький морякам и говорит: «Искали вы Неведомую Землю – и нашли. Потому что не бывает другой Неведомой Земли, кроме той, что ты сам с собой привез».

Сказку о Неведомой Земле и деревянном якоре Хэйтан и раньше слышал. Вот только когда он был ровесником этих мальчишек, не до сказок ему было.

– Обед готов, – сказал тот из мальчиков, что постарше. – Ты сегодня будешь с нами обедать?

– Наверяд ли, – ответил Хэсситай, зависнув на мгновение головой вниз. Опоздать боюсь. Мне и так обратно бегом бежать придется, а я ведь еще «поклоны облакам» не окончил.

– Можешь не оканчивать, – произнес Хэйтан, выступая из-за дерева. – Ты их и так неплохо делаешь. А вот над дыханием тебе еще поработать придется. Разве же так сказки рассказывают? Так сипишь да придыхаешь, что жалость берет слушать.

– Мастер... – только и пробормотал Хэсситай, соскакивая наземь.

– А от обеда не отказывайся, – безжалостно продолжал Хэйтан. – Не обижай ребят понапрасну. Тебе ведь от чистого сердца предлагают.

Глава 3

Если Хэсситай за минувший день и времени у мастера Хэйтана отнял немало, и души повытрепал изрядно, то теперь мастер-наставник с ним сквитался сторицей. Покуда мальчики кормили Хэсситай и Хэйтана обедом, Хэсситай весь истомился в ожидании не выволочки даже, а и просто невесть чего. Хуже нет, чем маяться неизвестностью – то ли тебя по головке погладят, то ли по загривку огреют. А Хэйтан намеренно вел себя так, чтобы никакая пронизательность не помогла Хэссिताю угадать, что именно он собирается утворить: с учеником держался ровно, с мальчиками доброжелательно. Обедал он умышленно с нарочитой неспешностью. Уже к середине обеда Хэсситай сдался и вскинул на мастера умоляющий взгляд. Хэйтан будто бы и не видел ничего – прихлебывает суп не торопясь, словно может просидеть, с места не сходя, хоть неделю. Обоих мальчишек он очаровал совершенно. После обеда они предложили гостю полюбоваться, какое жильё им соорудил Хэсситай, и Хэйтан опять же отказывать не стал: ну мыслимо ли покидать таких гостеприимных хозяев, едва успев пузо набить! Вежливый человек нипочем так не поступит.

Впрочем, на домик, в котором обитали мальчишки, поглядеть стоило – и не только для того, чтоб досадить строптивому ученику. Даже если бы мальчики не привечать, а гнать его вздумали, Хэйтан мимо воли замедлил бы шаг, чтобы еще и еще раз оглянуться на их обиталище.

Все-таки и у знатного происхождения есть свои преимущества. Вельможе ведь другого дела нет, кроме как этикет соблюдать и хороший вкус воспитывать. Он на этот самый хороший вкус всю свою жизнь кладет. Вот и получается, что отпрыски вельможных семей красоту понимать начинают едва ли не раньше, чем ходить. Это у них врожденное. А еще того лучше, если род знатный, а достатку в семье негусто. С таким чувством красоты да из бедного житья. Эти сызмала приучены видеть красоту не только в сверкании самоцветов, но и в простом природном камне – и не только видеть, но и другим показать. От большого богатства хороший вкус жирком заплывает – ни к земле нагнуться, ни голову поднять. Вот и дичают столичные богачи кто во что горазд: один выгребную яму изнутри вызолотит, другой бесценные жемчуга на белила для своих служанок перемелет... а какой-нибудь опальный аристократ речной галькой к своему дому дорожку устелить велит так, что всякий залюбуется. А прибавить к этому тонкому понятию еще и руки, сноровистые во всякой работе, как у Хэсситай... Хэйтан попросту млел втихомолку, оглядывая домик, которым мальчики так гордились. Немудреная глиняная посуда, аккуратные циновки... все в этом доме поражало неброским изяществом, каждая линия дышала силой и смелостью замысла.

– Теперь я знаю, на каких делах тебя лучше использовать, – шепнул Хэйтан на ухо ученику, уловив мгновение. – Лазутчика из тебя делать только даром добро переводить. А вот если где соглядатай должен осесть надолго... за ремесленника ты хоть где сойдешь, не сомневайся.

Хэсситай мигом сообразил, что взбучки в ближайшее время не воспоследует, и просиял. Хэйтан не стал вновь нагонять на него страху. Он не только не сердился больше на проказливого котеночка – даже и желания сердиться не было. Конечно, проборку парню устроить следует, но безгневно, не распаляя собственной ярости.

– Умеешь и показать ремесло, и потаить, где надо, – продолжал Хэйтан вполголоса, благо мальчики стояли чуть поодаль и слышать его не могли. Сработано безупречно – а в то же время будто и любой так сможет. Постороннему человеку нипочем не догадаться, что это именно ты тут постарался. Не признать работника по изделию. Правда, за одним вычетом...

– Каким? – обеспокоился Хэсситай. И недаром: не должна Ночная Тень оставлять следов своего пребывания. А если он настолько неосторожен, что его по тесаным доскам или устилающему крышу гонту отследить можно... тогда он едва не натворил большой беды.

– За вот этим. – Хэйтан поднял руку, указывая на потолок.

Потолок и вправду был необычен. Тут уж жаждущий красоты Хэсситай отвел душу в полную сласть. Вместо дранки потолок полностью покрывало узорное соломенное плетение. Наверняка солнечный свет лился с этого потолка даже и в ненастный день. Предзакатное сияние вызолотило не то что стены – самый воздух в доме, мягко ниспадая на некрашенный тесанный пол. Простое дерево полыхало невесомым золотом – будто облака улеглись спать прямо на половицы, завернувшись в шитые золотом шелковые покрывала.

Хэсситай усмехнулся с явным облегчением, но ответить ничего не успел: едва завидев, как Хэйтан взмахнул рукой, младший из мальчиков приблизился и задрал свою круглую мордашку, глядя гостю прямо в лицо.

– Красиво, правда? – с гордостью спросил мальчик.

– Очень, – искренне ответил Хэйтан.

– А я вон ту половину сам сплел, – похвалился мальчик. – Вот там еще Хэсситай плел, когда мне показывал, а дальше уже я сам. И вот этот узор тоже.

Хэйтан изумленно воззрился вверх. Сплетена солома не только красиво, но и прочно. Через такую кровлю ни одна дождиночка не просочится. Крепко сработано и с понятием. Быть того не может, чтобы такой мальчишка...

Хэйтан перевел недоверчивый взгляд на Хэсситай, но тот лишь усмехнулся чуть приметно и утвердительно примкнул ресницы.

Ай да котеночек! И парнишку выучил, и о необходимости таиться не забыл. Кто бы ни заглянул в маленький домик, мальчик всегда отговориться сможет: не было никакого мимохожего умельца, что вы – сам я все и сработал. А если кто и усомнится, он и показать сможет, как именно плел – попробуй тут не поверить. Умница Хэсситай. Да, самая пора пришла погладить котенка поперек шерсти. Чтоб не возомнил о себе слишком много.

– Жаль уходить от вас, но нам и в самом деле торопиться надо, – сказал Хэйтан.

Мальчишки взялись было протестовать, но Хэсситай на них только мгновенный взгляд метнул, и все протесты стихли словно по волшебшебству.

– А вы к нам еще придете? – спросил молчаливый старший мальчик.

– Может, и приду, если время свободное выпадет, – почти не кривя душой, ответил Хэйтан.

Хэсситай уже ступил было на порог вслед за Хэйтаном, но тут младший мальчик ухватил его за рукав.

– Хэсситай, – умоляюще протянул он, – а ты нам разве сегодня не покажешь, как твой котенок пьет?

Хэсситай после недолгого колебания распахнул на груди рубаху – и Хэйтан медленно и шумно выдохнул сквозь зубы, глядя, как его ученик обнажает свой боевой знак на потеху двоим мальчишкам. Мускулы его груди привычно сдвинулись, котенок нагнулся к миске – один раз, другой...

– Хватит, – объявил Хэсситай, вновь запахиваясь.

– А еще? – огорчился младший.

– Хватит, – решительно возразил Хэсситай. – Он уже третий раз пьет. Чего доброго, лопнет с перепою – и что я тогда делать буду?

Мальчишки засмеялись так радостно, так восторженно, что вновь возникший было гнев Хэйтана опять почти утих. Зато желание закатить Хэсситайю выволочку окрепло с новой силой.

Однако до поры до времени Хэйтан этого желания выдавать не стал. Он молча шел рядом с Хэсситайем, пока дом, возведенный среди волнистых яблонь, не скрылся с виду. Да и тогда первым заговорил вовсе не мастер, а Хэсситай.

– Как вы меня нашли, Наставник? – спросил он.

Вместо ответа Хэйтан вынул из рукава сломанную заколку и молча протянул ему.

– Понимаю, – усмехнулся Хэсситай, взглянув на заколку. Действительно, вещь редкостная, ничего не скажешь.

– Что ж ты этого мальчишку золотому плетению обучил, а такому простому делу, как заколки мастерить, не выучил? – ехидно поинтересовался Хэйтан. Или у него не получается? Хэсситай помотал головой.

– Получается. У него руки к любому ремеслу понятие имеют. Его работы заколка не хуже моей была бы, а то и лучше. Нет, эту побрякушку не он делал, а старший, Аканэ.

– Почему? – опешил Хэйтан. Хэсситай неожиданно засмеялся.

– Ну так ему хотелось сделать для меня что-нибудь хорошее – духу не хватило обидеть парня отказом. Ему эта заколка лютых трудов стоила. Вот уж у кого руки только под меч вытесаны и ни подо что другое, так это у Аканэ. И никаким другим рукоделием он себе на жизнь не заработает. Вот и мается парень. Младший братишка уже при деле, а он вроде как бестолочь бессмысленная. Не обвык еще, не понял, куда ему себя приспособить. Ремеслу-то я их учу давно и в полную силу, а оружием владеть – недавно и понемногу.

Час от часу не легче!

– И кто тебе дозволил их нашему делу обучать? – с ледяной доброжелательностью поинтересовался Хэйтан.

Хэсситай остановился и посмотрел ему прямо в глаза долгим и спокойным взглядом.

– Нашему ремеслу я их не учу, – ответил он. – Права мне такого никто не давал. И я им своей судьбы не желаю.

При этих словах Хэйтан испытал сильное желание отвести взгляд.

– А вот постоять за себя в наше смутное время мальчишкам уметь необходимо, – продолжил Хэсситай. – Тем более – этим мальчишкам.

– Да кто они такие? – удивился его словам Хэйтан. Хэсситай опустил глаза и помолчал немного.

– Это дети господина Ханрана, – медленно, как бы нехотя ответил он и, заметив, что имя это ничего мастеру не говорит, добавил: – Того человека, что привел меня в клан.

Дальнейшие расспросы замерли у Хэйтана в горле. Вроде бы у Хэсситая выражение лица не поменялось – превыше всех прочих умений воин из клана Ночных Теней должен уметь скрывать свои чувства, – но вечерняя прохлада сгустилась внезапно и потяжелела, словно бы придавив поникающие к земле травы. Каждая травинка горестно сгибалась, будто разделяя печаль Хэсситая.

Хэйтан тряхнул головой, и наваждение рассеялось. Но в груди все равно явственно щемило.

– Господин Ханран был другом моего отца, – негромко произнес Хэсситай. – Очень близким. Он узнал, что король приказал убить отца, и от самой столицы с коня не сходил, торопился предупредить... но опоздал. Зато меня он спас и надежно спрятал. Я не мог бросить его детей на произвол судьбы. Даже будь я совсем скотиной бессердечной... перед их отцом я навеки в долгу, а выплатить уже не приведется.

– Он умер? – тихо спросил Хэйтан. Хэсситай кивнул.

– Его хотели взять живьем и в столицу увезти, но он не дался. Половину людей короля положил. К нему только к мертвому и удалось подойти, к живому – ни-ни. Дом его подожгли... как наш... одно счастье, что госпожа уже три года как умерла... а детям он сразу бежать велел, как отряд королевский увидел... потому только и спаслись...

Хэсситай умолк и невесело усмехнулся собственным словам. Действительно, мыслимое ли дело – радоваться тому, что дети вот уже три года как сироты? Но ему лучше знать. Когда подожгли его дом, он сиротой еще не был.

– Что-то я ничего об этом не слышал, – удивился Хэйтан.

– А господин Ханран далеко отсюда жил, – пояснил Хэсситай. – Просто он знал, что им, кроме как ко мне, податься некуда, вот и послал их в здешние края. Хотя они бы меня все равно не нашли. Я на них сам случайно выбрал. Повезло. Они к тому времени оголодали, пооборвались – смотреть страшно.

– Значит, ты к ним каждый день ходил? – спросил Хэйтан, глядя на ученика с приязнью.

– К ним, – кивнул Хэсситай. – А славные ребяташки, правда? – Лицо его осветилось улыбкой, и Хэйтан вздохнул свободнее. Давящая тоска разом оставила его.

– Но ты мог привести их к нам...

– Я им своей судьбы не желаю, – повторил Хэсситай. – А клану больше бы вреда вышло, чем пользы. Еще двое со стороны... меня и одного-то много. Вроде и сам я человек не очень скверный, и сотаинники мои не хуже людей... а на поверку что выходит? Совсем как в той притче... «я чист, как вода, ты крепок, как железо, а соединимся вместе – и оба на ржавчину изойдем». Уже и от меня ржавчина завелась, а приведи я еще двоих безымянных, и вовсе непотребство выйдет.

И опять Хэсситай кругом прав. Вот только Хэйтан даже и не думал, что Хэсситай задавался подобными мыслями.

– Ну хорошо, а тайком-то почему? – укорил его Хэйтан. – Мне почему не сказался? Как ты мог подумать, что я тебе стану эти отлучки запрещать?

Хэсситай стоял по колено в росистой траве. И улыбка на его устах была до жути подобна ночной росе – прозрачная, нежная и холодная.

– А я ничего такого и не думал, мастер, – ответил он. Хэйтану показалось, что он ослышался.

– Разве бы я посмел возвести на вас такой поклеп хотя бы и в мыслях? Улыбка Хэсситая холодно дрогнула, – Я ведь к вам, Наставник, со всем почтением...

– Прекрати дурачиться, – одернул его Хэйтан.

– О чем и речь, – неожиданно вздохнул Хэсситай. – Я так славно подурачился...

Он засмеялся почти неслышно.

– Я дурачился, мастер. Дурака валял. Веселился.

– По-твоему, это весело? – возмутился Хэйтан.

– И даже очень. Как в прятки играть. Я мог спроситься у вас, как должно... но тайком улизнуть веселее. – Хэсситай запрокинул голову, уставясь мечтательно в быстро темнеющее небо.

– Так ты сотаинников своих... – еле сдерживая гнев, уточнил Хэйтан, и меня заодно морочил... только шутки ради?

– Простите, мастер, – покаянно произнес Хэсситай. – Я не думал, что вы обидитесь.

– На помешанных не обижаются, – излишне резко возразил Хэйтан. – А если бы тебя, шутника, твои же сотаинники попросту подстрелили невзначай?

– Не подстрелили бы, – уверенно произнес Хэсситай.

– А если бы я тебя за такие шуточки на денек-другой на жертвенник отправил? – прошипел Хэйтан. Говорил он хотя и не всерьез... а все же почти что и всерьез: на сей раз Хэсситаю удалось рассердить его основательно.

– Я бы очень удивился, – тряхнул головой Хэсситай. – Я-то всегда считал, Наставник, что шутку вы всегда понять сумеете.

– А ты ведь и сейчас дурака валяешь, – выдохнул Хэйтан.

– Да, – коротко согласился Хэсситай. – Вы все-таки обиделись?

– Больше всего на свете, – медленно произнес Хэйтан, – мне иной раз хочется тебя убить.

Но еще больше мне хочется тебя учить, а еще больше понять.

Рука его со свистом рубанула воздух.

– Может, я и ошибся однажды... но я никогда с тобой не лукавил. Я и сейчас тебя ни в какую ловушку не заманиваю. Я просто понять хочу – зачем?

– Для веселья, я же сказал, – опустив голову, повторил Хэсситай. – Для смеха.

– Ну и кривой же дорогой ты до смеха добираться. – Только теперь Хэйтан с изумлением понял, что, говоря о шутках, Хэсситай отнюдь не шутил. – Просто жалость берет смотреть, как ты по этой дорожке рылом землю пашешь. Прикончить тебя, что ли, чтоб не мучился так?

– Я и сам знаю, что рылом, – кивнул Хэсситай. – А только я не очень-то и умею... но ведь все равно хочется.

Даже в темноте видно было, каким жарким румянцем вспыхнуло его лицо словно он сознавался в чем-то неприкасаемо заветном.

– Душно мне так жить, – с решимостью отчаяния выпалил Хэсситай. – Это ж сбеситься можно, как вы живете... я и сбесился, наверное... но я просто не могу... так серьезно, так трагично... да если бы я хоть раз принял себя настолько всерьез – на месте помер бы! Тоскливо вы живете, безрадостно... словно вас на званом пиру у короля тухлой рыбой употчевали: и выплюнуть нельзя, и есть неохота.

Бедный мальчик. Ему ведь и в самом деле тяжело. Ночная Тень воспринимает подобный образ жизни как нечто само собой разумеющееся... но Хэсситай-то не в клане родился, а со стороны пришел. Немудрено, что при всем его небывалом мастерстве его так и тянет дурака повалить. Очень уж ему недостает радости, смеха, дневного света... вот только не понимает он покуда по своему неразумию, что ночная тьма заставляет сторожиться, а доверясь свету дня, гибнешь тем вернее. Днем убивают чаще, чем ночью.

– А жизнь и вообще штука не слишком радостная, – произнес Хэйтан. – Уж кому, как не тебе, это знать. Столько мерзости кругом... не то что люди Боги, с небес на нас глядя, слезами заливаются.

Хэсситай стоял прямой, как свеча. Лицо его было неподвижно. Но во взгляде его вновь заблестела прохлада ночной росы.

– А по моему разумению, – ответил он, – Боги смеются. Они, на дурость нашу глядя, просто животики от смеха надрывают.

Хасами с хрустом сгибал и выпрямлял пальцы, не то давая выход своему гневу, не то стараясь взвинтить себя еще пуще. Он уже не впервые пребывал по вечерам в подобном расположении духа, но сегодня от него было особенно трудно избавиться.

Днем и ночью его внимание всецело поглощено прямой и насущной необходимостью – не утратить своей власти, которая одна только и дает возможность выжить во дворце. Но вечером Хасами возвращается в свои покои. Вечер принадлежит ему, и только ему. Вечером ему не докучают ни бестолковые слуги, ни вечно пьяный король. Вечером можно ни о чем не думать, не следить за выражением своего лица, не ловить малейшие оттенки мысли на чужих лицах, не изнывать от постоянного опасения сделать ложный шаг. Самое приятное и необременительное время суток... с каких же пор оно сделалось столь тягостным для Хасами? С каких пор его дурное настроение, вместо того чтобы улетучиться безвозвратно, становится почти невыносимым, когда Хасами со вздохом растягивается на своей роскошной постели?..

Хасами был уверен, что уж сегодня-то все будет иначе. У него есть повод для торжества. Ловко подсунув Сакуруна сведения, на которые тот якобы выбрал сам, ему удалось вынудить короля отдать приказ о поисках парня, который так опасен для Хасами. В здравом уме и трезвой памяти король нипочем бы не отдал приказа об аресте Ханрана... вот только о трезвой памяти его величества и говорить смешно, а о здравости его ума Хасами давно уже позаботился. Любой другой на месте Сакурана призадумался бы, прежде чем арестовывать одного из знатнейших вельмож провинции, – а Сакуран и мгновения не колебался. Он едва ли не сам навязал своему придворному магу желанный приказ.

С арестом, что и говорить, промашка вышла. Ханран прекрасно понимал, что могло послужить его причиной, и живым не дался. Допросить его не удалось... ну да это беда небольшая. Даже мертвый Ханран совсем не бесполезен. Живой Ханран честь по чести выложил бы все, что он знает о сыне покойного Отимэ. Но примерное направление может указать даже и мертвый. Конечно, работа это трудная и кропотливая... но вот сегодня Хасами наконец-то сумел завершить ее. Снять с мертвого тела следы всех касаний за последние десять – двенадцать лет его жизни может даже новичок в магии, и требуется на это от силы полчаса. А вот ты попробуй все эти слипшиеся, сросшиеся, спутанные и переплетенные воедино касания расслупить по одному и выбрать из них нужное! Попробуй удержать это мимолетное прикосновение и определить, где оно произошло и куда направился тот, кому оно принадлежало... попробуй-ка взять след! Хасами не раз уже приходил в отчаяние и ругал себя ругательски, что сам же и уничтожил единственно доступный источник сведений о мальчишке. Эх, вот если бы не арестовывать он тогда надумал господина Ханрана, а вызвал бы его в столицу под благовидным предлогом! Ханран был бы им допрошен и отправился домой в незыблемой уверенности, что никогда не разговаривал с придворным магом о мальчишке... какое там – даже в глаза Хасами не видел! Поторопился Хасами с арестом, ох поторопился... но сегодня все тревобления остались позади. След взят! Хотя и весьма неточно, но Хасами все же выяснил, где прячется от монаршего гнева сын опального придворного. Теперь осталось пустить по следу отряд-другой опытных ловчих, и можно ни о чем не беспокоиться. Вне всякого сомнения, мальчишку разыщут.

Так отчего же беспокойство по-прежнему снедает Хасами, словно бы он и не вышел на след своего заклятого врага? Словно этот враг не будет вскорости уничтожен? Откуда это постоянное, неотвязное ощущение опасности?

Ответ Хасами знал, но не желал в него верить. Очень уж мучительно задевает он чувство собственного достоинства. Тяжко сознаться самому себе, что усматриваешь угрозу в самом обыкновенном подростке. Вчерашний мальчишка с еще детской кожей на висках. Нескладный юнец, ничем особо не примечательный. Не маг и даже не воин. Всего-навсего наследный принц при полусумасшедшем короле. Ненавистный Югита.

Если бы не малолетний паршивец Югита, власть Хасами была бы незыблема – ибо природа этой власти такова, что изъятий из нее почти что и не существует. И надо же было Хасами так основательно напороться на едва ли не единственно возможное исключение из законов естества!

Ведь это так естественно для человеческого сообщества – испытывать страх или внушать его, пугать или быть напуганным. Страх – вот ключ к любой власти! Вот только ключ можно и потерять по небрежности, его может украсть какой-нибудь ловкач... Нет, куда надежнее воспользоваться отмычкой. Особенно если посторонний не сообразит, как ее применять. А еще лучше, если никому и в голову не придет, что сей странный предмет и есть отмычка.

Отмычку себе Хасами соорудил замечательную. Никто, кроме мага, воспользоваться ею не сможет... а уж Хасами позаботится, чтобы вблизи короля других магов не было.

Нет, в самом деле! Великие маги древности, стремясь заполучить власть в свои руки, просто не с того начинали – вот ни один из них и не успел покорить весь мир. Они тратили прорву времени и сил на то, чтобы научиться околдовывать людей... а ведь не так это легко, как может показаться несведущим.

Мир сопротивляется магическому вмешательству. Даже горный хребет, даже прибрежный песок, даже пыль на старой паутине – и те не подчиняются без сопротивления. Снести с лица земли гору при помощи магии не легче, чем скрыть ее вручную без помощи лопаты, одними ногтями. А если магу так тяжело совладать с косной неодушевленной материей – насколько же возрастают трудности, когда речь идет о живых людях!

Человек по самой своей природе защищен от всех и всяческих магических воздействий. И если бы никто и ничто не нарушало этой защиты, то и величайший из магов, и даже все они скопом не смогли бы распоследнего оборвыша золотушного околдовать. По счастью для магов, люди сами неустанно разрушают собственную природную защиту. А самый действенный из разрушителей – страх.

Тот, кто боится, тем самым уже уязвим. Это знали все тираны всех времен. Их ключом к власти был страх, который они сеяли среди своих подданных. Вот только никто из них не удосужился понять, насколько уязвим он сам – и не потому, что боится покушений на свою драгоценную жизнь. Вовсе нет. Не потому, что боится, а именно потому, что заставляет трястись от страха других.

Ибо тот, кого боятся, присутствует в мыслях напуганного если и не совсем неотвязно, то все же напоминает о себе достаточно часто: неровен час, его забудут – а забудут, так и бояться перестанут. О нем думают то и дело – со страхом и ненавистью, с ужасом и бессильным негодованием. Вселяющий страх считает, что преуспел, а между тем чужой страх разъедает его природную защиту подобно кислоте. Направленный на него ужас истончает тот покров, что хранит его от магического воздействия. Несчастный слепец, он мнит себя закованным в броню попирателем жалких перепуганных людишек! И ведать не ведает, что на самом-то деле он голенький. Что он полностью открыт, уязвим для любого колдовства, для любой магии – да для самого плюгавого знахарства, для обыкновенного сглаза, наконец! История знает не так-то много околдованных плотников и сапожников, а вот среди великих воителей и властителей жертв колдовства полным-полно. И не только потому, что налагать чары на воинов и королей выгоднее, чем на судомоек, но и потому, что это несоизмеримо легче.

Страх, который внушал одним своим существованием король Сакуран, оказался ключом к власти для него – и отмычкой от той же самой власти для Хасами. Он околдовал короля без малейших затруднений, подчинил его, прибрал к рукам полностью и оставил его в приятном самообольщении мнимым самовластием. А уж через Сакуруна Хасами управлял всем его королевством, всеми его подданными... за одним-единственным исключением.

Хасами уже и счет потерял, сколько раз он пытался так или иначе спровоцировать Сакуруна испугать Югиту, чтобы управлять им через короля, как и всеми остальными. Бесполезно. А уж как часто Хасами провоцировал Югиту испугать кого-нибудь, чтобы завладеть им непосредственно! Пустой номер. Мальчишка не желал ни пугать, ни пугаться. Он словно бы даже и не понимал, чего от него добиваются, – и все же, словно назло Хасами, он намеренно добивался того, чтобы ни одна живая тварь во дворце не боялась его. Каждый придворный, каждый слуга знает, что, если его величество совсем уж разбушеваться изволил, бежать за подмогой нужно к Югите. Он укроет, он не выдаст, он вовремя посоветует и отведет в сторону карающую монаршую длань... и сам при этом не подставится, вот ведь что скверно. Чертов сопляк родился и вырос во дворце, он слишком хорошо умеет избегать, уклоняться, отсутствовать, быть незаметным. А даже если ему и случается изредка навлечь на себя отцовский гнев – что толку? Югита может испытывать ярость, отвращение, ненависть, сожаление – но не страх. И не то чтобы у него ума не доставало испугаться. Он как мало кто другой понимает, что такое смертный приговор. Он знает, что люди во дворце живут не дольше, чем кролики в клетке удава – то есть только до тех пор, пока удав не проголодался. Он видел отца в белой горячке – и трупы тех, кто имел несчастье подвернуться королю под руку в подобные минуты. И он не хочет стать очередной жертвой. Он осторожен, он очень осторожен, этот высокомерный недоросль. Но он слишком молод, чтобы испугаться, как должно. Разве может молодость поверить в собственную смерть – настоящую, окончательную и навсегда? Молодость безжалостна к себе из-за своего бесстрашия. Любой другой на месте Югиты боялся бы до рвоты, до нервических судорог... а он не боится. И его бесстрашие, вместо того чтобы погубить его, его же и спасает.

Оно изымает принца из-под власти Хасами. Оно делает его неуязвимым. Мальчишка, который по малолетству своему не боится – да притом настолько не боится, что смеет не пугать!

Ничего, твое паскудное высочество. Не радуйся заранее. Как бы плакать не пришлось. Думаешь, так уж и нет на тебя управы? Думаешь, раз тебя в своих молитвах поминает каждый слуга, так ты уже и бог-покровитель? Те, кто знает тебя, и помыслить не могут убоиться своего неизменного защитника... но знают тебя не все. А найти того, кто испугается тебя раньше, чем успеет узнать, проще, чем ты думаешь. Наивный неопытный мальчик... ты и половины того не ведаешь, что творится на землях твоего отца! Разве кто дозволит тебе изучать науку правления? Разве допустит твой отец, чтобы ты возрос его соперником? Разве кто озаботится просветить тебя относительно обычаев и местных традиций, поверий и предубеждений – всего, что будущий король знать обязан? Что ты знаешь о том, как живут те, кто обитает не во дворце? И что они знают о дворце и о тебе? Нет, кое-что они, конечно, знают... и то небольшое, что им известно, пугает их до безъязычия. Стоит привести во дворец постороннего человека да столкнуть с тобой раньше, чем он успеет послушаться о тебе, и ты обречен на его страх.

И все же... нет. Не всякого постороннего, не любого. А такого, кто будет вынужден испугаться тебя, даже если и успеет послушаться расточаемых тебе похвал. Какого-нибудь запуганного батрака или затравленную служанку...

Нет, не служанку!

Жену!

Совсем еще молоденькую девочку. Младше тебя... да, именно так. Ты ведь и сам еще в этих делах недоумок бессмысленный. Откуда тебе знать в свои неполные пятнадцать лет, как следует вести себя с женщиной... а тем более с девушкой? С девушкой, которая успела послушаться и рассказней уже замужних подружек, и пьяной похвальбы своих братьев о проявленном ими постельном молодечестве... девушки, которая не может не бояться того, что тебе предстоит совершить с ней. А если вспомнить, как именно в вельможных семьях готовят девственницу к браку... да она в обморок упадет, завидев, что ты к ней приблизился. Опытный любовник на твоём месте, может, и сумел бы что-нибудь предпринять... но на что способен юнец, озабоченный лишь тем, как бы не осрамиться, сосредоточенный только на себе и собственной мужской силе? Уж если многие мужчины и женщины постарше тебя в постели помышляют лишь о собственной персоне, чего ждать от такого недоросля, как ты?

Вот так-то, Югита. Женить тебя, поганца, надо. Женить – и поскорее. Пока ты еще настолько молод и неопытен, что в постели способен думать только о себе. И не на склонице неисправимой, не на дурочке какой-нибудь. Нет, жену мы тебе подберем с тщанием. Красивую, чтоб ты ее возжелал. Кроткую, чтоб не препятствовала тебе ни в чем. Умную, чтоб сразу поняла, куда попала и что за гадючник этот дворец. А главное – тонко чувствующую, с душой нежной и ранимой, чтобы твоя неизбежная торопливая грубость испугала ее наверняка – девушку, о которой можно только мечтать. Я найду тебе такую – ты ее получишь. И заметь, без всяких усилий с твоей стороны, даром... а того, что дается даром, никто не ценит.

Ты испугаешь ее... не сможешь не испугать... и вот тогда я наконец-то заполучу тебя со всеми потрохами в полную мою власть.

Хасами удовлетворенно усмехнулся и прищелкнул пальцами. Дурное настроение покинуло его. Он опустил на постель, с наслаждением потянулся, поправил изголовье – и заснул почти мгновенно. Предчувствие власти – одно из самых сильных снотворных. Ему никакая бессонница нипочем.

Глава 4

В дни больших королевских торжеств Югите всегда мечталось родиться не самим собой, а кем-нибудь из прославленных героев древности. Во-первых, ритуал в те приснопамятные времена был куда как проще – а даже если и нет, то у прославленного героя хватит сил вынести все тяготы, что накладывает на царственных особ всемогущий этикет. Какой-нибудь великий воин мог бы запросто без устали переодеваться с утра до полудня из одних пышных облачений в другие, еще более пышные, а потом стоять навтыжку два часа кряду, не имея права даже вспотевший нос почесать. Хотя даже у величайшего воителя не хватило бы выдержки выслушать всех придворных льстецов без изъятия и не отхолить их первым же попавшимся под руку мечом. А если бы хватило, то через неделю-другую дворцовой жизни герой выполз бы на волю поседевшим и изборожденным морщинами. Вот потому-то легендарные герои, как правило, добывали корону не для самих себя, а для кого-нибудь другого: мечом махать – дело молодое, а жизнь при дворе старит до времени. Особенно тех, кто уже надел корону либо наденет ее в не столь отдаленном будущем. Ни одному принцу, успевшему избыть младенческое неведение, отродясь не было меньше тридцати лет – даже если его сверстникам еще и пятнадцати не исполнилось. В дни особо значительных торжеств Югите казалось, что он и младенцем-то никогда не был, а появился на свет сразу тридцатилетним.

На сей раз Югита казался себе по меньшей мере ровесником своего покойного дедушки и мрачно дивился лишь одному: почему его в отличие от деда еще не похоронили в какой-нибудь уютной гробнице? Почему отец предпочел похоронить его заживо?

Впрочем, не одному принцу подобные мысли лезли в голову в день собственной свадьбы.

О невесте своей Югита не мог сказать ничего – ни дурного, ни хорошего. Он впервые увидел ее час назад, и то мельком. А мог и вообще не увидеть до начала брачной церемонии, если бы не стоял полдня у окна в ожидании той минуты, когда его нареченная выйдет из богато разукрашенного свадебного паланкина. Фрейлины столпились вокруг невесты так тесно, что Югита едва смог разглядеть бледное большеглазое личико. Зато он прекрасно слышал, как полчасом спустя те же самые фрейлины, что подобострастно склонялись перед будущей супругой принца, вполголоса честили ее провинциалкой, а то и дикаркой неотесанной. Ничего особенно провинциального Югита за несколько кратких мгновений в своей невесте заметить не успел, а ее нежное лицо и огромные глаза, призрачные пушистыми ресницами, сделали бы честь любой столичной красавице. Нет, не стоит верить болтовне фрейлин: женщины куда как ревнивы к чужой красоте. Ведь невесту принцу выбирал не кто-нибудь, а сам господин Хасами, выбирал наверняка с дальним прицелом – и навряд ли он подsunул бы Югите невзрачную провинциалку, неотесанную и невежественную. Какой смысл подсовывать принцу жену, на которую тот и не взглянет дважды? Если только Хасами не вознамерился просто и без затей отравить Югите его дальнейшее существование – хотя едва ли, на то есть тьма более сподручных средств, – или поскорей женить принца на ком попало, дабы предотвратить возможность совсем другого брака... и тоже сомнительно: при всем желании Югита не мог представить себе, что это должна быть за возможность, чтобы Хасами принялся поспешно приискивать принцу какую угодно невесту, лишь бы женить его поскорее! Хотя если вдуматься – а зачем вообще Хасами вздумал его женить? Да еще наперекор королевской воле... небось семь потов пролил, уговаривая короля поторопиться со свадьбой... зачем? Кто эта незнакомая ему девушка – шпионка придворного мага, убийца, очередная жертва? Или она просто случайно угодила в хитросплетения интриг, и Хасами использует ее с тем, чтобы избавиться от нее в первую же очередь – подобно тому, как на кон в первую очередь ставят случайно найденную или недавно выигранную монету?

В любом случае, враг она или друг, но восстанавливать ее против себя не следует... а может, именно на это Хасами и рассчитывает? Если так, то его благолепие господин маг здорово прогадал. Так бы и случилось... когда бы не та жуткая ночь. Югите частенько не спалось от неотвязных дум, но обычно ему удавалось хотя бы за полночь переломить мучительный страх и уснуть. Однако на сей раз Югита не мог отважиться даже загасить светильник. Он и сам толком не знал, чего боится, но легче от этого не становилось совсем даже напротив. Когда Югите сделалось совсем невмочь, он решил кликнуть кого-нибудь из слуг. Не важно, кого и зачем – вслух ему почитать, сбившуюся постель поправить... какая, в сущности, разница? Главное, чтобы человек живой рядом был. На его зов откликнулась одна из служанок, и поправлять постель принца или тем более читать ему вслух она не стала. Она воспользовалась положением совершенно иначе. Конечно, старалась она и в своих интересах – а где еще ей мог представиться случай заполучить совершенно неопытного, зато искреннего в своем порыве и на все готового мальчишку? Так ведь соблюдать свою выгоду не грех, если это не во вред другим, а принца она разутешила наилучшим образом. Никогда еще Югита не чувствовал себя настолько свободным от страха, как в ту ночь. Ни о какой любви – что бы ни значило это слово, – разумеется, и речи не было. Но крепче любви принца со служанкой связала взаимная благодарность.

Так что просчитался ты крепко, господин маг. Недогадливый подросток мог бы навсегда отворотить от себя неопытную девочку – но взрослый мужчина такой ошибки не допустит.

Право, жаль, что среди фрейлин нет той единственной, которой принц столь многим обязан. Но они оба понимали, что принцу будет несколько неловко, если его бывшая любовница станет прислуживать его жене. Югита был благодарен ей и за это понимание – и сам, в свою очередь, нашел не предлог удалить служанку из дворца, а способ выдать ее за такого жениха, за которого она не прочь бы замуж. Теперь она в полной безопасности, вдали от дворца. И все же жаль, что некому послать принцу украдкой ободряющий взгляд. Какое там ободряющий – да все эти размалеванные красотки так смотрят на принца, словно примериваются, что сподручней: его самого удавить или Юин, жену его молодую, зарезать? Неужели они всерьез могли надеяться стать когда-нибудь супругой принца? Хотя трудно сказать, кто и во что при дворе может, и вообще надеяться всерьез...

Югита отвел взгляд от фрейлин, от их лживых улыбок, от их изысканных причесок, от широких рукавов с нацепленными по случаю праздника золотыми подвесками. По залу, как всегда, тянуло сквозняком, и хотя фрейлины стояли неподвижно, как того и требовал церемониал, подвески на их рукавах непрерывно позванивали. И голоса фрейлин точь-в-точь напоминали звон золотых украшений – утонченные, высокие и тяжелые. Эти слащавые, однообразно мелодичные голоса сводили Югиту с ума. Неужели и у его жены будет такой голос?

Покуда Югита предавался то раздумьям, а то и просто опасениям, свадебная церемония наконец-то началась.

Жениха и невесту усадили друг против друга, а потом, как и полагалось по древнему обычаю, между ними расстелили не шелковое или парчовое тканье, а узкое небеленое полотно – простое, без всякой вышивки. Расстилали его со всеми мыслимыми и немыслимыми предосторожностями: неровен час, порвется свадебное полотно – худшего предзнаменования и вообще разорвать себе невозможно! Югита затаил дыхание: ему казалось, что ветхая ткань готова не то что порваться от любого неосторожного движения, а и попросту рассыпаться прахом. Едва ли этому куску полотна меньше лет, чем королевскому дворцу. Точный его возраст неведом даже министру церемониала. Зато его благолепие господин министр совершенно точно знает, какой именно силы священный трепет должен охватывать ни в чем не повинного человека при виде этой бесценной реликвии. Насколько Югита понял из его объяснений, в складках этого полустлеванного лоскута таится дух возвышенной древности... или высокой старины... одним словом, страшно даже и подумать, чтобы постелить перед молодыми новое, только что выткан-

ное полотно. Так поступают лишь презренные простолюдины. А отпрыску королевского рода подобает использовать лишь тот кусок ткани, возле которого сочетались браком и его венценосные предки, и не менее венценосные предки этих предков.

Югиту на сей счет терзали разнообразные сомнения. Ведь кто-то из предков первым положил перед своей невестой это полотно. Тогда оно было новым, только что сотканным. Неужели пользоваться чем-то добротным достоин лишь основатель династии, а на долю остальных предназначаются ветхие лохмотья? Удостоверившись, что ни один министр церемониала никогда не позволит постелить перед новобрачным королем или принцем другой кусок полотна, Югита мстительно представил себе, какой нечеловеческий ужас обуяет очередного министра, когда эта ткань наконец-то истлеет и порвется. То-то радости будет одному из его дальних потомков! Впрочем, почему дальних? Господин министр еще не стар и уж до свадьбы сына или дочери Югиты – уж кто там у него родится – доживет наверняка. И если Югита сумеет вызнать, где именно его благолепие хранит сию освященную традицией тряпку, он всенепременно проникнет в хранилище и уничтожит ее. И всего через каких-то двадцать лет его величество Югита сможет воочию насладиться тем зрелищем, коим сейчас может лишь воображение свое потешить.

К тому же Югита нипочем не верил, что этот кусок ткани и вообще способен исполнить свое предназначение. Полотно – это символ супружества. Как сплетаются меж собой его нити, так и помыслы супругов сплетаются в единую крепкую ткань. Так-то оно так... но этот древний лоскут повидал слишком много свадеб. Слишком много людей сидели возле него. У старых вещей и память старая. Вот только чего им больше запомнилось – доброго или дурного? Югита чуть скосил глаза вправо – туда, где восседал его отец, – и тут же отвел взгляд. Да, полотно, возле которого сочетался браком король Сакуран, никак уж не сулило счастья его сыну.

Югита не отрываясь смотрел на расстеленное перед ним полотно. Не на отца же ему смотреть! И уж тем более не на Хасами... глаза бы не глядели на его ненавистную рожу. Раньше Югите хотя бы доставляло удовольствие подметить на его лице выражение тайной досады – особенно если он сам эту досаду и вызвал. Однако терзания врага радуют недолго, а его присутствие причиняет боль постоянно. Что за чудовищная несправедливость! Даже узник в темнице не каждый день своего палача видит – так почему же наследник престола должен ежедневно видеть проклятущего мага, разговаривать с ним, принимать его поклоны? Разве льва коронова собака? А если нет, так по какому праву она ест со львом за одним столом? По какому праву господин Хасами присутствует на королевской свадьбе – не довольно ли с него и того, что брак этот совершается по его прямой указке? И что ему за корысть женить принца? А ведь зачем-то ему это было нужно... ишь как радуется, что удалось настоять на своем. Вон какая харя благостная, так и лоснится довольством... Радость Хасами настораживала Югиту, она мешала ему поднять взгляд на свою невесту, девушку с нежным и гордым лицом и огромными испуганными глазами. Зато Хасами глазел на девушку неотрывно – да так, что у Югиты от гнева дыхание перехватило. Ах ты мразь! Не диво, что бедная девочка сжимает губы изо всех сил, чтоб не видно было, как они трясутся от страха. Любая бы на ее месте напугалась. Попробуй не бояться, когда маг смотрит на тебя масляными глазками, а супруг у тебя не маг и не великий воитель мальчишка, которому еще и пятнадцати не исполнилось. Ясно как день, что бедняжка читает в этом похотливом взгляде свой приговор. Вот только не рано ли ты приговоры выносить начал, Хасами? Ты правая рука короля, ты его голос... иногда мне даже кажется, что ты – его разум... или то, что он считает своим разумом... но ты покуда не король. Пока я жив и в своем уме, всей полноты власти тебе не изведать, даже и не надейся. Впрочем, ты и сам это знаешь. Да, но на что ты тогда все-таки рассчитываешь?

Югита яростно смотрел на полотно, только на полотно, до одури, до рези в глазах, до помутнения рассудка – только на полотно. Он изучил его до последнего переплетения нитей. Даже закрой он глаза, и перед его мысленным взором в точности изобразится этот ветхий лос-

кут. Едва ли Югита теперь и вообще сможет его забыть до конца своих дней. Хотя с другой-то стороны – а что в том плохого? Не каждый день удастся взглянуть на полотно рожденному во дворце. Шелк, парча, атлас – этого добра кругом сколько угодно, а вот полотно в королевских покоях – редкий гость. Так почему бы и не наглядеться вдоволь на такую диковинку?

Югита усмехнулся чуть приметно. Привычное умение вновь выручало его. Давнее умение, обретенное им невесть когда: если беспросветный кошмар окружил тебя стеной со всех сторон – живо хватайся за кисть и малюй на этой стене чего душа пожелает. Дверь, ведущую наружу, это искусство прорубить хоть и не поможет, зато, чтобы не спятить, годится в самый раз. Однако сегодня Югита потратил слишком много сил на то, чтобы нарисовать поверх кошмара ласкающие глаз пейзажи. Он начинает уставать, а кошмар не устает никогда, он ведь не человек. Если свадебный обряд не кончится в самое ближайшее время, Югита попросту взбежится. Мысленный рисунок уже выцветает, блекнет, сомкнутые стены уже проступают сквозь него во всей своей враждебной наготе. Еще немного – и Югита уже не сможет не обращать внимания на то, что его окружает. Довольно и того, что он старается не смотреть по сторонам, уставясь на полотно, как змея на флейту заклинателя... но сколько же можно пялиться на пахнущую тлением тряпку, будь она неладна?!

Когда на полотно поставили свадебные чарки, Югита обнаружил, что можно смотреть и на кое-что, помимо полотна. Руки невесты, протянутые к чарке, полностью завладели его вниманием. Хорошо рассмотрев эти руки, Югита понял, отчего придворные красавицы честили новобрачную провинциалкой, а то и дикаркой. Конечно, перед свадьбой ее руки спешно отбелили, умастили всевозможными снадобьями и втерли в кожу ароматические масла, но полностью стереть прошлое даже дворцовым искусницам не под силу. Югита и парой слов не успел перекинуться с этой хорошенькой девочкой – не то что расспросить ее о прежней жизни. Но ее руки могли без всяких слов обо многом поведать. Вот характерная вмятинка на пальце – след кисти. Трудно сказать, занималась ли юная невеста каллиграфией всерьез, но пишет она много и охотно. Вот еще один едва приметный след, на сей раз от кольца... а самого кольца и нет... странно, что девушка не пожелала надеть любимое украшение в день свадьбы... или это не украшение? Кольцо лучницы... вполне возможно... тонкий белый шрамик, судя по всему, оставила соскочившая тетива. Значит, и правда в провинции девушки нередко развлекаются стрельбой из лука? Чудесное, должно быть, место эта провинция. Стрельбой из лука, и не только ею... столичные красотки считают «Встречу в облаках» игрой, предназначенной только для мужчин. А судя по левой руке, будущая жена принца искусна в этой игре не по годам. Как, должно быть, намучились фрейлины, пытаясь скрыть след от зажима вокруг среднего пальца! Стиль «разящая молния» – довольно редкая школа игры. Этот стиль требует не столько развитой логики, сколько подвижной интуиции, спонтанности, умения быстро и безошибочно импровизировать, особенно в дебюте. Мастера «разящей молнии» играют с почти невероятной быстротой, поистине молниеносной. Их пальцы зачастую не успевают за их мыслью. Вот и приходится им носить на левой руке приспособление для быстрого метания фишек. Жениться на мастере «разящей молнии» – это ж надо же! Ну, может, и не на мастере... но игрок она во всяком разе выше среднего. Каллиграфия, стрельба из лука, «Встреча в облаках»... Известно, как сложится будущая семейная жизнь Югиты, но что она не будет скучной, можно сказать наверняка.

Не смея взглянуть в лицо невесты, Югита любовался ее руками. Должно быть, они просто обворожительны, когда натягивают с усилием тугий лук. И пахнет от них при этом не дворцовыми благовониями, а пылью и травой... совсем как в том древнем стихотворении, которое так нравится Югите... интересно, а как пахнет полевая трава?

Югита задумался настолько глубоко, что не сразу услышал, как его окликают. Оказывается, он уже успел незаметно для самого себя совершить троекратный поклон и выпить вино и теперь рассеянно вертел в руках чарку, вместо того чтобы вручить ее невесте и принять от

нее такую же. Обмениваясь чарками с невестой, Югита отчего-то отчаянно покраснел. Поскорей бы все закончилось... правда, вот тогда все только и начнется... и все же поскорей бы покончить с мучительным обрядом! Когда в его чарку снова наливали вино, Югита едва сдержался, чтобы не отдернуть ее нетерпеливо из-под алой винной струи – скорей, скорей! Чарку он осушил одним глотком, поставил ее на полотно и быстро, размашисто поклонился. Все. Вот теперь уже действительно все. Осталось только одно, самое последнее унижение – а потом можно закрыть за собой дверь и до утра забыть все эти лица с потными глазами.

Последнее унижение поджидало новобрачных в коридоре перед опочивальней. Придворные дамы выстроились вдоль левой стены, молодые вельможи – вдоль правой. Югите хотелось рвануться что есть сил, но он покорно замедлил шаг. Почтительные мягкие руки коснулись его плеч, и Югита вздрогнул. Щелкнули застёжки, и праздничная накидка из тончайшего рубчатого крепа заструилась в подставленные руки вельможи. Югита закусил губу и сделал еще шаг. И еще. Широкий шелковый пояс. Легкий верхний кафтан. И еще один. Потом исподний кафтан из черного атласа. Югита не отрываясь смотрел на дверь – она приближалась понемногу, но слишком уж медленно. Складчатые шаровары из тончайшего шелка... и кто это выдумал такую пытку – снимать штаны на ходу, нерушимо храня на лице печать царственного величия? Нижняя опояска из темно-пурпурных шелковых нитей с пестроцветными кистями... Югита не смел повернуть голову влево – туда, где вельможные дамы снимали свадебное облачение с его жены: переливчатую накидку цвета пурпурного ириса... платье из густо накрахмаленного жатого шелка... и что уж там у нее под верхним платьем надето. Хорошо еще, что ей не придется плавно выступать, путаясь в полусброшенных штанах. А проклятая дверь словно бы и не приближается!

Когда молодые остались в одном исподнем – Югита в тонкой черной нижней рубаше и просторных шелковых штанах, а новобрачная в длинном ночном платье с некрупным рисунком «осенние травы», – дверь наконец-то распахнулась. Югита схватил жену за руку, рывком втащил ее за собой, захлопнул дверь и мигом запер ее на замок.

Наконец-то удушливый церемониал остался позади! А еще говорят, что женитьба – событие радостное... да такой радости не всякому врагу пожелаешь, разве что самому ненавистному. Уж на что Югита привычен к дворцовым ритуалам, а и у него каждая поджилочка трясется от ярости, на лице выступил гневный пот... Впрочем, в опочивальне так холодно, что через минуту-другую он превратится в солоноватый иней. Впрочем, тяжелее всего эта свадьба досталась все-таки не Югите, а его жене. Человеку непривычному рехнуться в пору от неиссякаемых требований всемогущего этикета.

Югита обернулся к жене – и невольно выпустил ее руку. Глаза у нее и в самом деле были безумные... но этикет тут ни при чем.

Весь день Югита испытывал тайные опасения. Он боялся опозориться. Боялся, что не сумеет испытать должное желание. Что окажется неуклюжим... смешным... глупым таким мальчишкой... однако при виде Юин все его опасения исчезли напрочь, сменившись страхом совершенно иного рода. Что и говорить, новобрачная была очень хорошенькой. Но сейчас она могла бы вызвать желание разве что у заядлого насильника. Бледное лицо, застывшее в судорожном спокойствии ужаса... глаза с неподвижным незрячим блеском, словно бы это и не глаза, а сверкающие драгоценности в оправе из человеческой плоти... Боги милосердные, да что же ее так напугало?

А что угодно, с мрачной отчетливостью понял Югита. Все подряд. И что бы он ни сделал, будет только хуже. Хотя и бездействие ничем не поможет, скорей только навредит. Она испугается чего угодно – молчания, участливого слова, самого невинного прикосновения... а он-то, дурак, опасался, что не сумеет приласкать ее! Да ведь ее не ласкать – еще минута, и ее хоронить будет в пору. Страх ее просто убьет. Югита только раз в жизни испытал страх подобной силы – когда трехлетним ребенком ухитрился подхватить черную лихорадку. Он ничего

не понимал: что это с ним творится, почему, почему, за что его так мучают... наверное, за то, что он испачкался и теперь никак не может отмыть руки – вон они какие черные... но он оттер бы эти черные пятна, честное слово... только его почему-то не пускают в умывальную... а еще его зачем-то накормили одеялами, и теперь он и сам как одеяло, тяжелый и вялый... одеяло такое невкусное, сухое, шершавое, и пушинки в горле застревают... от них все время кашель, а принцу кашлять нельзя, это невоспитанно... но ведь это все пушинки, он же не нарочно... почему никто не верит, что он не нарочно, почему его не пускают умыться?

Югита уже не помнил, чего он больше боялся в лихорадочном бреду смерти или наказания? Но боялся он так, что едва не помер – даже не от лихорадки, а от самого страха. И не маг придворный его спас, и не лекарь, а начальник дворцового караула. Этот огромный воин поднял малыша на руки, прижал к себе и носил взад-вперед до тех пор пока Югита не проникся убеждением, что возле этой твердой, как доска, могучей груди ему ничто не угрожает. Страх вышел наружу липким холодным потом, и Югита остался в живых – и на всю жизнь запомнил, как надо поступать с обезумевшими от ужаса.

Воспоминание пронеслось мгновенно. А уже в следующее мгновение Югита рванул на себе рубашку, поднял свою оцепеневшую от страха жену на руки, крепко прижал ее к себе и зашагал по опочивальне мерным шагом в ритме спокойного сердцебиения. Мало-помалу его собственное сердце приноровилось к его шагу. Оно уже не колотилось ожесточенно где-то под выпяченной челюстью, а ровно сокращалось там, где ему быть и надлежит, – в груди. Зато биение сердца Юин сотрясает все ее тело... не думать об этом, не замечать... не ускорять шага, повинаясь невольно ее страху... только не ускорять шага... идти медленно... размеренно и медленно... только не ускорять шага... интересно, и долго он сможет таскаться туда-сюда по комнате? Ведь он совсем не бугрящийся мускулами закаленный воин, а Юин – никак уж не трехлетний младенец. Она всего на неполный год младше Югиты, и весит она соответственно.

К тому же холодно в брачных покоях просто распрозверски. Шлепать босыми пятками по каменному полу – привилегия королей: жалкие простолюдины подстилают под свои презренные ноги добротные циновки. Эти счастливицы недостойны ступать по царственному мрамору. А высокородные нижние конечности Югиты уже окоченели напрочь. Не хватало еще, чтобы у принца в такой момент от холода из носу потекло! Он ведь даже и утереть его сейчас не сумеет... Надо же, холодина какая! И кто это решил, что крохотная бронзовая жаровня, в которой еле тлеют угли, пережженные из ароматической древесины вперемешку с благовониями, способна нагреть эту настырно вызолоченную мраморную гробницу с брачным ложем? Вот когда Югита станет королем, он первым же своим указом выпишет в столицу мастеров из Лихогорья – пускай устроят шэны по всему дворцу!

Югита уже почти не ощущал ни подгибающихся от усталости ног, ни словно налившихся расплавленным свинцом рук. В голове его ритмично содрогалась гулкая пустота. Не останавливаться... только не останавливаться... только не сбиться с ноги... только не споткнуться... не останавл и ваться...

И все же остановиться ему пришлось. Юин шелохнулась так внезапно, что он едва не упал от неожиданности.

– Отпусти меня, – почти нормальным голосом попросила Юин. – Я ведь тяжелая.

Вот они, долгожданные слова! Еще бы знать, как выполнить эту робкую просьбу: не разжимаются руки ни за что, хоть тресни. Югита повалился на постель, так и не разжимая рук. Юин оказалась у него на коленях. Если она все еще боится, как-то отстраненно подумал Югита, сейчас ей самое время взвизгнуть, вскочить, отбежать и забиться в самый дальний угол опочивальни. Он почти ожидал что Юин так и поступит. Но нет, она сидела не шевелясь, разве что прижалась к нему чуть потеснее – или ему только показалось?

Не успел даже Югита вздохнуть с облегчением, как у него все-таки засвербило в носу. Он попытался осторожно расцепить руки – и снова потерпел неудачу. Попробовал подавить жела-

ние чихнуть – но чихнуть хотелось прямо-таки с неодолимой силой. Надо же, как некстати! Только-только он успокоил свою жену... да и сам, правду молвить, едва только успокоился... и все пойдет на ветер из-за какого-то чиха! Вот сейчас он не удержится и чихнет самым оглушительным образом, и его выпирающие ребра пребольно стукнут это доверчиво прижавшееся к нему личико...

– Ты не бойся, – торопливо выговорил он, понимая, что несет вздор, – я сейчас чихну... можно?

Он ожидал ответного кивка, но взамен Юин подняла к нему лицо и посмотрела в глаза.

– А можно мне тоже? – тихо и серьезно спросила она. Ответить Югита не успел. Он чихнул так внезапно и резко, что его онемевшие руки наконец-то расцепились; Юин подпрыгнула у него на коленях, приземлилась на постель рядом с мужем и тоже чихнула.

От холода и пережитого страха почихота на них обоих напала такая, что только держись, и по опочивальне загуляло эхо самого странного свойства. Громогласно чихая, то по очереди, а то в унисон, новобрачные заползли под одеяло и тесно прижались друг к другу. Иного способа согреться попросту не существовало. А все-таки предки – люди мудрые, подумалось Югите. Пожалуй, определенный смысл в традициях есть. Попробуй-ка загони в одну постель двух совершенно незнакомых друг с другом застенчивых юнцов в тепло натопленной спальне! А когда кругом стоит пронизывающий могильный холод, а одеяло одно на двоих, поневоле прижмешься к теплому боку супруга, никуда не денешься. Югита задумчиво шмыгнул носом и осторожно приобнял жену за плечи.

– Тебе тепло? – шепотом спросил он.

Юин кивнула. Югита обнял ее покрепче и уставился в потолок. До сих пор он справлялся неплохо. Однако надо же что-то делать дальше – а выручившее его наитие куда-то испарилось... и что теперь следует предпринять? Сказать комплимент... поцеловать жену... или сначала осторожно объяснить ей, а что от нее, собственно говоря, требуется? Югите это занятие понравилось с первого же раза, но та служанка уверяла его, что умение находить приятность в постельных занятиях для большинства молоденьких девушек – дело очень и очень наживное. Как самому снискать удовольствие и доставить его опытной женщине, Югита уже успел усвоить – но как именно следует научить это удовольствие испытывать и вкушать... как и вообще кого-то чему-то научить... как добиться хотя бы того, чтобы тебе поверили?

Внезапно плечо Юин под его пальцами напряглось, закаменело. Югита встревоженно обернулся к жене.

– Послушай, – очень медленно, очень отчетливо выговаривая слова произнесла Юин, – тебе не кажется, что нам пора исполнить наш супружеский долг?

При этих словах она потянулась и приняла такую позу, что Югита едва не покраснел. Ему с трудом удалось справиться с собственным лицом, но уши его жарко вспыхнули.

– А ты хоть знаешь, как это делается? – только и сумел выговорить он.

К его огромному удивлению, Юин кивнула. Но ведь она не может, не должна знать! Когда речь идет о женитьбе принца, дворцовые повитухи строго-настрога проверяют, действительно ли девственна невеста, – и горе ей, если возникает хоть малейшее сомнение!

– Откуда? – еле вымолвил Югита.

– Я видела, – коротко ответила Юин.

– Подглядывала, что ли? – поинтересовался Югита. Мысль эта показалась ему вполне разумной: действительно, прежде чем вступать в брак, следует хотя бы вприглядку ознакомиться с тем, что придется делать самой.

– Мне показывали, – произнесла Юин с таким видом, словно эти два слова и впрямь что-то объясняли.

Боги, час от часу не легче! Что ей показывали? Кто? Как?! Заметив сокрушенное недоумение мужа, Юин сама в свою очередь уставилась на него с недоверчивым изумлением.

– Ты что, и правда не знаешь, как проводят предсвадебную церемонию? все еще не вполне веря, спросила она.

Югита мотнул головой.

Юин открыла рот, собираясь что-то сказать, судорожно закрыла его, вновь приоткрыла, опустила голову, решительно вдохнула глубоко... да так и залилась краской, не вымолвив ни слова. Но что могло так смутить девушку, которая, не покраснев, расположилась в самой что ни на есть соблазнительной позе и с небывалой прямоотой напомнила мужу, зачем она здесь находится?

– Если не хочешь, не говори, – торопливо предложил Югита.

– А ты и в самом деле не знаешь, – чуть сдавленно произнесла Юин.

Теперь, справившись с первым смущением, она принялась рассказывать ровным, почти не напряженным голосом.

– Традиция такая есть, – глядя вверх одеяла, сказала Юин. – Девушки из знатных семей выходят замуж девушками... но знать, как это делается, нам необходимо. Нельзя же допустить, чтобы вельможная девица осрамилась в мужней постели. «Ибо если происхождение твое безупречно, все, что делаешь ты, также должно быть безупречно», – с издевкой процитировала она.

Югита как будто начал что-то понимать. Неужели... да нет, быть того не может!

– Вот нам и показывают, – помолчав, продолжала Юин. – Как только знатную девицу просватают, ее родня призывает кого-нибудь из своих вассалов, и они ей показывают, как лишают девственности...

Юин рассказывала хотя и с явным отвращением, но без возмущения, словно о чем-то противном, но вполне обыденном. Югита едва не задохнулся от гнева. Что за пакостная традиция! Возможно, в былые времена, когда девушкам дозволялось подглядывать тайком за молодоженами, какой-то смысл в этом был, но теперь, в таком виде... что за мерзость! Наверняка ведь никто из знатных господ не затрудняет себя подбором будущих супругов – какое там! Наверняка выставляют на погляд первую попавшуюся девственницу. Вот теперь ему окончательно ясно, почему так напугана Юин. Вряд ли ей довелось наблюдать за любящими супругами. То, что ей показали, не напоминало даже и сцены, пережитые самим Югитой, – уж скорее те, что ему поневоле доводилось видеть во время королевских лиров, если не удавалось удрать раньше, чем высокородные вельможи напьются до полной невменяемости.

– А ты сам-то знаешь, как это делается? – с внезапной тревогой осведомилась Юин.

Последние сомнения покинули Югиту безвозвратно. Теперь он знал, что ему делать. Как нельзя более вовремя ему припомнились слова, сказанные той служанкой... да будут Боги к ней милосердны всегда и во всем!

– Я – да, – ответил Югита, – а ты – нет. Тебе совсем не то показывали. Тебе показали, как лишаются девственности, а показывать надо было, как становятся женщиной. Это совсем другое...

Глаза у Юин вдруг сделались огромными, в пол-лица.

– Правда? – выдохнула она. Югита кивнул.

– Это почти не больно, – неуклюже вымолвил он, молясь в душе, чтобы его слова оказались правдой, – и совсем не страшно.

Это действительно оказалось совсем не страшно – и совсем не больно. Югита в своем чрезмерном рвении пустил в ход решительно все, чему успел обучиться у своей служанки, – и ему не пришлось краснеть за опрометчиво данное обещание. Зато усилий он приложил столько, что у него едва кровь носом не хлынула от натуги: куда больше сил приходится тратить на то, чтобы выказать нежность и заботу, нежели чтобы показать себя несравненным жеребцом. Тяжело дыша, Югита опустил голову на изголовье. Он был не в силах пошевелиться...

а стены все еще ритмично сгибались и выпрямлялись, неспособные остановиться, потолок повело куда-то в сторону, одеяло все еще шелестело... э нет, это не шелест одеяла!

Юин всхлипывала очень тихо, почти неслышно. Только что Югита готов был поклясться, что даже под страхом смертной казни шелохнуться не способен, а тут откуда только и силы взялись!

– Эй, – испуганным шепотом окликнул он жену, – я что-нибудь сделал не так? Я сделал тебе плохо?

Не прекращая всхлипывать, Юин помотала головой, и одна слеза упала Югите на нос.

– Ты все сделал так, – прошептала она. – Все хорошо... мне хорошо, правда... а той девушке было очень плохо...

Югита зло стиснул зубы. Юин прижалась к нему мокрым от слез лицом.

– Когда я стану королем, – уверенно и властно произнес Югита, – я этот обычай отменю. Честное слово.

Забегая несколько вперед, следует отметить, что слово свое Югита сдержал. Одним из первых указов короля Югиты было повеление о запрете предсвадебной церемонии лишения девственности. А буде кто осмелится бесчестить вассалок и пугать их страданиями своих дочерей, тех без изъятия ждала суровая кара: смертная казнь для отдавшего бесстыжее распоряжение и лишение дворянства для всего его рода. Нарушителей королевской воли не нашлось.

Задумавшись о том, сколь многое ему надо успеть совершить в самом начале своего грядущего царствования, Югита не сразу услышал, как его окликнула шепотом Юин.

– Послушай, я не знаю, кто она такая, эта женщина... ну, которая тебя научила... – прошептала Юин, и Югита незамедлительно напрягся, – я и спрашивать не стану... но ты ей от меня спасибо скажи, ладно?

Хасами нетерпеливо сгибал и выпрямлял пальцы. Ожидание и вообще дело нелегкое, но когда до вожделенной цели остается всего ничего, оно делается почти нестерпимым. Сколько трудов Хасами положил на устройство этой свадьбы, сколько тяжких усилий! Внушить маниакально подозрительному королю, что женить наследника – это именно то, что и требуется... да еще уговорить коронованного упряма доверить выбор невесты ему, Хасами... поиски этой самой невесты – сил и денег Хасами на них ухлопал немерено... и после всех хлопот еще попробуй смирить своевольного принца, который ну нипочем не хочет жениться, а уж тем более по указке Хасами! А когда кажется, что дело уже слажено и основные трудности уже позади, они начинают плодиться, как кролики. Опочивальня новобрачных охраняется с таким усердием – призраку мимо стражи не проскользнуть, не то что магу. А проникнуть надо, ибо брачные чертоги королей издревле защищены от всевозможных магических воздействий. И пришлось же Хасами намучиться, чтобы оказаться в спальне на единое мгновенье и спрятать там некий предмет своего ремесла! Зато теперь ему не придется тратить все свои силы до последней капли, чтобы пробить магическую защиту спальни. Не придется даже настраиваться, чтобы уловить исходящий из брачных покоев поток страха, не придется просиживать впустую в ожидании должного момента. Укрытый под самым потолком талисманчик сам даст знать хозяину, когда принц приступит к исполнению супружеского долга... и вот тогда-то Хасами после всех своих трудов и унижений заполучит наглого мальчишку!

Дверь опочивальни затворилась за молодоженами, и Хасами сосредоточился. Теперь ему уже недолго ждать... совсем недолго... чего он ждет, недоделок малолетний... пора бы и за дело приниматься... чего он тянет... сробел, что ли?

Наконец-то соизволил! После невероятно долгого ожидания, когда Хасами начал было всерьез опасаться, что принц попросту завалился спать, в морионовой подвеске замерцал тревожный багровый огонек. Хасами шепотом издал ликующий возглас и приник к талисману, готовый поглотить долгожданный страх.

И тут его с такой силой отшвырнуло в противоположную стену, что весь воздух из легких вышибло – Хасами вскрикнуть от боли и то не сумел. Он хрипло пискнул и потерял сознание.

Назавтра на церемонии приветствия новобрачных Югита напрасно вертел головой, высматривая в толпе придворных ненавистного мага. Хасами не появился. Он затворился в своих покоях и не выходил оттуда дня четыре, к вящей радости Югиты. А еще больше принца порадовала причина столь несвоевременного затворничества. Слуги исподтишка передавали из уст в уста отраднейшую весть о том, что у королевского мага и советника невесть откуда взялся такой синяк под глазом, что загляденье, да и только, и дышит его колдунское мерзейшество с трудом, будто кто-то изрядно помял ему ребра.

Глава 5

Вишни были именно такими, какие предпочитал господин Итокэнай, спелыми до черноты, сладкими без малейшей кислинки, с туго лоснящейся тонкой кожицей. Итокэнай медленно брал ягоды по одной кончиками пальцев, неторопливо отправлял их в рот, перекачивал вдоль языка, неспешно наслаждаясь их прохладной поверхностью и лишь затем – плотной сочной мякотью. Время от времени он прихлебывал маленькими глотками ледяную воду, выждал немного и снова принимался за вишни. Безмянный, стоявший у него за спиной, шумно вздохнул.

– Стань подальше, – лениво распорядился Итокэнай. – От тебя потом разит.

Безмянный отступил на шаг. Итокэнай досадливо поморщился и кинул в рот еще одну ягоду. Надо же, какой жаркий день выдался! Даже веер в руках безмянного почти бессилён навевать прохладу. Выгнать мальчишку, что ли? Все едино пользы от него никакой. А если Итокэнай останется один, он сможет сбросить верхний кафтан, а то и раздеться до пояса. Эх, вот будь он простым воином из числа Ночных Теней, а не единственным сыном одного из предводителей клана, он бы так и сделал давным-давно: хоть и пошли на его хайю самые тонкие шелка, а по такой жаре кажется, что не шелковый на нем кафтан, а ватный, стеганный. Так ведь непристойно человеку его положения при посторонних в одном исподнем щеголять! Да, ничего не скажешь, соответствовать своему положению – действительно тяжкий труд.

Безмянный украдкой прокашлялся в кулак и с удвоенным усердием замахал веером.

– Пшел вон, – простонал Итокэнай.

Не успел мальчишка выскочить за дверь, как Итокэнай с наслаждением сбросил свой тонкий хайю и взялся уже было за ворот рубашки... но тут дверь открылась вновь. Итокэнай непроизвольно начал стаскивать с себя рубашку, но мигом опомнился, дернулся назад и застрял.

– Что еще там? – раздраженно спросил Итокэнай, пытаясь распутать волосы, воротник и уши.

В дверях стоял безмянный, которого он только что выставил прочь.

– Там клиенты пришли, – испуганно косясь на свирепую гримасу Итокэная, сообщил мальчишка.

– Ну так и что? – Итокэнай наконец-то пропихнулся через отверстие, пожертвовав несколькими прядочками волос. – Пусть побеседуют с наставником... – он замялся, не в силах вспомнить подходящее к случаю имя... – словом, с любым мастером-наставником. Неужто никого на месте нет?

Вот ведь бестолковый мальчишка! Не мог удумать ничего лучше, чем тревожить Итокэная по такой ерунде...

– Это не к наставнику, – вполголоса произнес мальчишка, чуть притворив дверь. – Это люди самого короля... значит, к господам предводителям... а отца вашего, господин, как раз на месте не случилось... и никого другого тоже нет...

Итокэнай нахмурился. На сей раз безмянный прав: посланцев короля с самыми тайными и деликатными поручениями простым наставникам принимать не положено. Надо же, как не вовремя их принесло: только-только Итокэнай собрался отдохнуть немного...

– Я приму их, – коротко ответил Итокэнай, и безмянный просиял. – Хайю мне подай... да не этот, болван! Новый принеси.

Безмянный крутанулся на пятке и опрометью ринулся за новым хайю. Итокэнай смотрел ему вслед, поджав губы. Вот бестолочь! И все-то ему надо разьяснять, растолковывать. Неужто он сам не видит, что сброшенный господином кафтан уже обвис, пропитался потом

и потерял всякий вид? Нет, надо будет попросить отца приставить к нему для услуг другого безымянного.

Даже новый кафтан с умом выбрать не смог, остолоп. Конечно, для приема важных гостей такой наряд подходит как нельзя лучше: глянцевого черного шелк, затканый паутинно-тонкими светло-пурпурными нитями, выглядит очень достойно. Но облачаться в черное по такой одуряющей жаре... нет, что ни говори, а солнечного удара Итокэнаю сегодня не миновать.

– Веди к гостям, – распорядился Итокэнай, и безымянный услужливо распахнул перед ним дверь.

Завидев посланцев короля, Итокэнай улыбнулся им широко и приветливо, но мысленно состроил в то же самое время пренебрежительную гримасу. Это высокомерно-презрительное выражение очень шло к его красивому смугловатому лицу – куда больше, чем эта вынужденная маска приязни. Право, жаль, что нельзя поприветствовать дорогих гостей с тем пренебрежением, которого они и заслуживают, – отец станет браниться и пенять Итокэнаю за невежливость. Он-то думал, что в клан пожаловала какая-нибудь значительная персона, а тут всего-то навсего малый отряд королевской стражи. Надо было не размышлять, а отправить их к какому ни на есть наставнику. Ох и взгреет же он тупицу безымянного, когда клиенты изложат свое дело и удалятся восвояси!

– Чем мы можем быть вам полезны? – осведомился Итокэнай, повелительно приподняв голову и прищурясь.

Высокий плотный человек, в котором даже и без знаков различия легко можно было угадать начальника отряда, заговорил не сразу.

– Дело тут довольно тонкое, – начал он обиняками, и Итокэнай с трудом подавил раздражение. Тоже мне нашел, чем удивить. Тонкое у него, видите ли, дело. Можно подумать, к Ночным Теням кто-то обращается с другими делами.

– Нужно одного человека изловить, – продолжал между тем начальник отряда. – Как его сейчас зовут, неизвестно. И точное его местообитание тоже. Известно только, что обретается он где-то поблизости.

– Описание примет хотя бы есть? – нетерпеливо поинтересовался Итокэнай.

– Есть, как не быть, – вздохнул начальник и полез за пазуху. – А, вот оно... только, по моему разумению, толку от него чуть. Парня этого в последний раз видели восьми лет, а сейчас ему лет от роду примерно девятнадцать.

Итокэнай слегка поморщился, когда в его требовательно протянутую руку лег помятый, пропитанный потом и изрядно засаленный свиток. Развернув же его, Итокэнай позволил себе поморщиться куда более заметно.

На свитке красовался выполненный точными резкими линиями портрет. Казалось бы, опознать человека, изображенного столь выразительно, – плевое дело. Но Итокэнай не обманывался мнимой достоверностью изображения. Он сразу заметил стоящий в левом верхнем углу листа узкий черный прямоугольник: знак того, что портрет этот не с натуры срисован, а добыт с помощью магии. Да, неудивительно, что люди короля предпочли обратиться к Ночным Теням за помощью, вместо того чтобы самим ловить своего парня. Если этого бедолагу вот уже одиннадцать лет никто в глаза не видел, то настоящее лицо и нарисованное могут существенно различаться. Все зависит от того, насколько точен был первоначальный, детский портрет. Маг не властен над годами, которые прожиты этим парнем, – но вполне властен над его нарисованным обликом. Он может заставить изображение мальчика сделаться взрослым юношей – таким, каким он должен быть сейчас. Таким... да не совсем. Если исходный портрет не соответствовал былому облику, новый тем более не будет походить на оригинал. Да и сходство у выращенного портрета с оригиналом всегда лишь самое приблизительное: мало ли какую жизнь ведет разыскиваемый? Стал он лавочником или вором, стражником или евнухом... жизнь, прожитая на самом деле, накладывает на лицо свой отпечаток, а на портрете изображен человек, который

не прожил никакой жизни. Некто без общественного положения, без ремесла, без страстей, пороков и предпочтений... одним словом, найти по такому портрету человека не легче, чем среди десятка беззубых, впавших в детство дряхлых старикашек найти своего дядюшку, которого ты видел в последний раз лет сорок назад еще крепким статным воином.

И все же... все же дело не так безнадежно, как показалось было Итокэнаю спервоначалу. Облик, запечатленный на портрете, смутно ему кого-то напоминал. А если Итокэнай похожего человека видел... а ведь видел где-то, и совсем недавно... значит, и впрямь человек этот находится поблизости.

– Что ж, – задумчиво протянул Итокэнай, делая вид, что размышляет над трудностями предстоящего заказа.

На самом же деле он мучительно старался вспомнить хотя бы одно имя мастера-наставника – надо ведь препоручить кому-то этот заказ, в конце концов!

– Что ж, – повторил он, ухватившись за первое же всплывшее в памяти имя, – дело действительно тонкое... трудное дело... но помочь вам мы сможем. Я выделю вам отряд для поимки вашего человека. Очень опытных бойцов во главе с мастером-наставником. Эй, – окликнул Итокэнай замершего навтыжку безымянного, – пусть позовут мастера Хэйтана. Да пускай прихватит с собой троих... нет, пятерых воинов.

По правде говоря, и троих бы обалдуям из королевской стражи хватило бы за глаза. Но Итокэнай, распорядившись отрядить сразу пятерых, знал, что делает. Он набивал цену. Если задание могут выполнить трое воинов – значит не таким уж оно было и сложным. А вот заказ, который по силам исполнить только пятерым, стоит дорого. Тут и поторговаться не грех. Итокэнай был уверен, что сумеет слупить с людей короля сумму втрое большую против той, что они намеревались заплатить клану за услуги.

Когда дверь распахнулась, пропуская внутрь мастера-наставника и пятерых его воинов, начальник малого отряда стражи сделал могучее глотательное движение кадыком и выпучил глаза так неистово, словно хотел почесать ими кончик носа. В первое мгновение Итокэнай слегка опешил, но, едва лишь переведя взгляд с заказчика на исполнителей, сразу сообразил, в чем дело.

Так вот почему изображенный на портрете облик кого-то напоминал ему!

Конечно, нельзя сказать, что юноша с портрета обличьем точь-в-точь Хэсситай (странное дело, но его имя Итокэнай вспомнил без малейших усилий). Но сходство черт слишком разительно, чтобы быть случайным. Какое там случайным – это он самый и есть!

И что теперь прикажете делать? Как-никак Хэсситай принадлежит к их клану, пусть и не по праву рождения. Он хранил верность своему клану. И он вправе рассчитывать, что и клан его не предаст.

Отродясь еще Ночные Тени не отдавали своих на расправу. Ловить их ловили... это да, бывало... случалось даже, что и поймать удавалось... но и тогда им старались помочь сбежать, а если не получалось – умереть быстро и безболезненно. Да, но ведь и того не бывало, чтобы по душу одного из воинов клана приходили заказчики. Да еще чтобы именем самого короля... добро бы кто другой, а с его величеством лучше не связываться. Король не чета какому-то аристократу занюханному, он и на Ночных Теней управу найдет. Объявит весь клан вне закона – и никто не посмеет обратиться сюда за помощью: гнева королевского убоится. А если король еще и награду назначит... ну, тогда клану и вовсе не жить. Мало ли других кланов занимается тем же ремеслом – и все за счастье почтут уничтожить конкурентов на законном основании, да еще и прибыль на этом деле получить.

Выдать парня людям короля... выдать его незамедлительно... может хоть так удастся отвести нависшую над кланом угрозу... и тоже – нет! Ведь одиннадцать лет без малого Хэсситай скрывался от короля среди Ночных Теней... как убедить королевских посланцев, что вины клана в том нет?

Только одним способом – вместе с преступником выдать и его укрывателя.

Решение пришло мгновенно. Никто не успел заметить колебаний Итокэная пожалуй, даже и сам Итокэнай.

– Мастер-наставник Хэйтан! – повелительно произнес он. – Воин Хэсситай!

Оба поименованных шагнули навстречу ему. Оба поклонились, как и положено кланяться сыну предводителя клана, старшему над мастерами: Хэйтан – в пояс, Хэсситай – земно, уперев ладони в пол.

– Ваше оружие! – быстро скомандовал Итокэнай, пока они не успели опомниться, пока не сообразили, в чем дело. – На колени. Руки назад.

Лицо Хэйтана выражало крайнее недоумение: он не знал за собой никакого проступка, за который его следовало наказывать, тем более – при посторонних. Но привычка взяла свое – он повиновался безотчетно, не раздумывая.

Но Хэсситай не был рожден в клане, и привычка к повиновению не стала его второй натурой, не вошла в его кровь и плоть. Первого приказа он не послушался и сложил оружие к ногам Итокэная. Но рук назад не завел наоборот, едва заслышав приказ, он вскочил с колен и прынул было назад, к двери. Правильный выбор, отметил мысленно Итокэнай: если он замешкается, пытаясь вернуть себе оружие, это мгновенное промедление погубит его, а вот удрать он еще может успеть.

– Взять их! – взвыл Итокэнай, и воины бросились наперерез Хэсситаю.

Итокэнай тем временем подскочил к Хэйтану – и снова мастера-наставника подвело воспитание. Он еще мог сбежать, а уж попробовать отбиться – тем более. Но он и не пытался. Он был слишком ошеломлен... он не мог понять... поверить... осознать... Хэйтан не сопротивлялся. Он лишь глухо застонал, когда сын предводителя клана господин Итокэнай сноровисто затянул на нем путы.

Зато Хэсситай чуть было не сбежал. Другого бы на его месте давно одолели: хоть и хороший боец Хэсситай, да ведь навалились на него бойцы тоже не последнего разбора. Но он дрался с такой сосредоточенной яростью... еще мгновение – и воины дрогнут, не выдержав его натиска, еще немного – и он прорвется!

Итокэнай выхватил из рукава небольшую плоскую стрелку. Вообще-то этой стрелкой он после обеда ковырялся в зубах – для этой цели она годилась лучше, чем обычная зубочистка. Но с виду стрелка в точности походила на те, что Ночные Тени используют для быстрого и бесшумного убийства. Острие таких стрелок смазывают ядом, не знающим пощады, и действует смертоносная отравка почти мгновенно. Одним быстрым плавным шагом Итокэнай переместился за спину плененного Хэйтана и выразительно воздел руку со стрелкой вверх: дескать, еще миг – и стрелка вонзится в шею мастера-наставника.

И точно так же не раздумывая, как он ринулся к двери, Хэсситай рванулся вновь – на сей раз к Хэйтану.

И угодил прямо в руки своих сотаинников.

Все произошло настолько быстро, что королевские посланцы не только не успели принять участие в поимке, но и разобраться толком, кто и кого ловит.

– Ну вот и все, – приятно улыбнулся Итокэнай, глядя прямо в глаза начальнику королевского отряда. – Как видите, вам и впрямь стоило обратиться к нам за помощью. Мы предоставляем вашим заботам не только самого преступника, но и его пособника. Я полагаю, его величество останется доволен.

При всей внешней приятности улыбка Итокэная выражала такую неуступчивость, что начальник отряда вновь судорожно слотнул и протянул Итокэною кошель с деньгами, даже не пытаясь сбавить цену.

За спиной Итокэная послышался тихий, еле слышный вздох. Итокэнай обернулся, окинул взглядом воинов... но лица их были совершенно непроницаемыми.

Да, похоже, они только теперь поняли что к чему... и не особенно одобряют происходящее. Вот еще забота навалилась... ну да взбунтоваться сейчас они не посмеют, а потом отец живо усмирит непокорствующих.

А все из-за этого поганца Хэсситая!

Итокэнай взглянул сверху вниз на распростертого у его ног поверженного Хэсситая. Вопреки ожиданиям, тот взглянул в ответ так твердо и спокойно, что Итокэнай едва не попятился. Пленник не пытался подняться, не говорил ни слова. И только на груди его подергивал лапкой пресловутый котенок.

Итокэнай снова смерил его взглядом – на сей раз откровенно презрительным, – вновь извлек из рукава стрелку и медленно, с наслаждением, поковырял ею в зубах.

И снова лицо пленника осталось неподвижным; шевельнулись одни только губы.

– Дурак ты, а не мастер, – с невыразимым презрением произнес Хэсситая и отвернулся, будто взирать на того, кто одолел его хитростью, ему не то чтобы страшно, а попросту мерзко донельзя.

Давно уже королевские посланцы уволокли свою нечаянную добычу, а Итокэнай стоял в раздумье – пока не сообразил, что остался один. Делать ему было как будто нечего... во всяком разе, так с ходу и не придумаешь, чем себя занять. Итокэнай покачался немного с пятки на носок и обратно, тихо насвистывая обрывок какой-то мелодии, вздохнул, развернулся и пошел к себе.

Вишни за время его отсутствия степлились. Итокэнай без всякого удовольствия съел пару ягод, почти не чувствуя вкуса, и запил их водой из кувшина. Вода была теплой, как пот. Итокэнай хотел было кликнуть бездельника-безымянного и уже открыл было рот, но внезапно передумал отчего-то.

Ничего, вот к вечеру отец вернется... пусть он и разбирается с ослушниками, которые в ответ на ясный и недвусмысленный приказ рыло в сторону воротят.

Итокэнай сидел на краю стола, болтал ногой и безотчетно то и дело подносил руку к изящной плетеной корзиночке с вишнями. Он брал их по одной и медленно подносил ко рту. Вишни были безвкусными, как жеваная бумага.

Отец вошел, как всегда, неслышно: только что его не было, и откуда ни возьмись – появился посреди комнаты. Даже дверь входная не хлопнула.

Итокэнай начал было слезать со стола – и замер на полдороге, потрясенный: такой невероятной яростью дышало лицо его всегда такого спокойного отца, господина мастера Данкэя.

– Ты что это наделал, поганец? – выдохнул отец.

– Уже успели донести, – устало отозвался Итокэнай, спускаясь наземь. Ничего я не натворил. Я сделал то, что было нужным в интересах клана.

Гневное восклицание застыло на устах Данкэя, они посерели – не столько от гнева, сколько от бесконечного горестного изумления. Во взгляде его ясно читался вопрос: «Ты и впрямь такой дурак или только притворяешься?»

– И каким же образом выдача нашего приемного сына и одного из мастеров-наставников может послужить интересам клана? – ядовито поинтересовался Данкэй.

Итокэнай наскоро изложил отцу свои соображения.

– Я должен был предотвратить гибель клана, – попытожил он. – У меня не было другого выбора. Я не мог допустить, чтобы король уничтожил нас всех из-за какого-то приемыша.

– Он не мог допустить! – Голос отца был тихим, как первая струйка пара, приподымающая крышку над кипящим котлом. – Ты предпочитаешь, чтобы клан был уничтожен изнутри?

– Как... изнутри? – опешил Итокэнай.

– Ночная Тень хранит верность своему клану даже и в посмертии. Так говорится в нашем уставе – или ты забыл? И долго ли, позволь спросить, наши воины станут хранить нам верность, если она встречает такую награду? – Отец зло замолчал и махнул рукой.

Итокэнай опустил голову. Он-то думал, что отец приструнит непокорных, а он, выходит, всецело на их стороне...

И словно отвечая на его мысли, отец заговорил вновь:

– После того, что ты натворил, я не уверен, что смогу удержать людей в повиновении.

– А что я должен был сделать? – в отчаянии выпалил Итокэнай. – Встать на защиту приемыша – и пусть нас королевским указом хоть в землю вобьют.

Данкэй застонал от гнева.

– Каким еще указом?! – вскричал он. – Какие люди короля? Откуда они взялись? Кто их видел? Кто знал или мог знать, что они здесь? Ты что же думаешь – что они своему начальству доложили, что сами с делом не справились? Что они дозволения испрашивали осведомить о нем незнакомых наемников?

Итокэнай побледнел. Ну почему же он сам не догадался! Действительно, никто не станет расписываться перед начальством в собственном бессилии. Конечно, никакого дозволения эти воины не испрашивали, а посовещались меж собой тайком и решили выполнить свою работу чужими руками, руками наемников, Ночных Теней, – тоже, разумеется, тайком. Как же он не сообразил сразу! Едва только начальник отряда опознал Хэсситая, мигом надо было хватать, но не приемыша с Наставником, а... что вы, что вы, не было здесь никаких людей короля! А я вам говорю – не было... весьма соболезную... нет, искать не станем – уж если вы, достопочтенные, не в силах найти своих пропавших сослуживцев, то где уж нам уж... глубоко сожалею... не было их здесь. И никто их не видел. Ни одна душа живая...

– Боги, – обреченно вздохнул Данкэй, – и за какие мои грехи ты уродился таким срамным дураком? Впрочем, и я хорош. Как мне только в голову вступило, что ты можешь быть чем-то большим, чем обычный боец? Что ты мне в преемники годишься?

– Может, еще не поздно их догнать? – предложил на всякий случай Итокэнай.

– Что толку? Это сюда они ехали таясь – а отсюда они поедут, бахвалясь. Они уже давно уехали, и за это время их столько народу повидало... Нет, теперь не догонишь, не воротишь. А уж того, что ты сделал, и подавно не вернешь.

Итокэнай уже понимал, что ничего хорошего его не ждет. Ответ за содеянное держать придется, и не только перед отцом. Он силился сдержать трясущиеся губы – пусть его честят дураком, но не трусом! – однако не сумел и был принужден отвернуться. Хотя... да что уж там! Тому, кто потерял лицо, незачем его прятать.

– Вот деньги, – ломким, чужим голосом произнес Итокэнай. – Небось всю свою награду за поимку отдали...

– Награду, – желчно усмехнулся Данкэй. – Награду свою они получили: они останутся живы. А вот о тебе я этого сказать с уверенностью не могу.

После долгого перерыва жертвенник Бога Наказаний не пустовал. На верхней его перекладине раскачивался в петле Итокэнай. Он был еще жив – что ж ты за Ночная Тень, если не можешь напряжением шейных мышц спастись от смерти в петле, – но если бы не воинский канон, прямо запрещающий наказанным самоубийство, Итокэнай давно ослабил бы мускулы шеи и принял смерть с облегчением. Он будет жить, он должен жить – до тех пор, пока не окончится совет клана. А там уж как приговорят... может, и пощадят его, если он доживет до приговора. А может быть, и нет.

– Это мой позор, – донесся до Итокэная голос отца, – и моя вина.

Напрягая слух вместо шейных мышц, Итокэнай едва не задохся – но больше разобрать ничего не смог.

Когда в глазах Итокэная совсем потемнело, а воздух едва уже прожигался в судорожно сведенное горло, петля внезапно ослабла. Итокэнай мешком свалился на жертвенник, вцепился зубами в воздух, словно в кляп, который надо разжевать, и потерял сознание.

– Жить ты все-таки будешь, – хмуро сообщил ему отец, отпаивая его наутро целебным отваром. – По крайней мере пока...

Точнее он сказать не мог, ибо приговор гласил: судьба Итокэная напрямую зависит от судьбы, которая постигнет тех, кого он предал. Чтобы сведать об их участи – а если повезет, то и помочь им бежать, – в столицу был отправлен тайный гонец. Итокэнай не спрашивал, кто именно. Да он и не имел больше права задавать вопросы: до тех пор, пока доля Хэсситая и Хэйтана не определит однозначно, жить Итокэною или умереть и какой именно смертью, он лишался имени. Он становился одним из безымянных. Одним из тех мальчишек, не получивших еще Посвящения, которые метут двор, чистят отхожие места... или оведают веером кого-нибудь из мастеров, если тому вздумается отдохнуть в холодке изнурительно жарким полднем.

Глава 6

Такого ужаса Хасами никогда еще в жизни не испытывал.

Когда он поспешил на зов короля в его покои, как обычно, а короля там не оказалось, когда он спросил, где же его величество, и получил ответ: мол, дескать, его величество изволят в темнице на новых узников любоваться... Хасами показалось, что у него пол из-под ног уходит.

Хасами бросился со всех ног напрямик в темницу. Да, но пропустит ли его стража? Не заставит ли томиться в ожидании, пока король соблаговолит покинуть темницу? В любом другом случае Хасами мог бы и подождать – но только не в этом... Хотя с чего он взял, что его не пропустят? Ведь король звал его... очевидно, как раз затем и звал, чтобы узниками заняться. А если звал, значит, никто не станет его задерживать. А он-то перепугался... и совсем забыл о королевском приказе. Значит, ничего еще не потеряно.

Ну, это еще как сказать. Король призывает своего личного мага в темницу в одном, и только в одном, случае: если все попытки развязать пленникам языки потерпели неудачу и без магического воздействия ну никак не обойтись. И если уж его величество ждет Хасами не во дворце, а под дворцом, значит, он уже успел наскучить молчанием узников. Значит, это уже длится... одни Боги знают, сколько времени это уже длится. Одна надежда на то, что Ночные Тени все же не чета обычным людям. Что они еще не при смерти.

Как же Хасами не везет с сыном покойного господина Отимэ! Он ведь отдал четкий и недвусмысленный приказ: убить парня на месте. Его собственные слуги так бы и сделали. Так ведь на розыски король направил своих людей, а эти твердо усвоили: за живого король всегда заплатит больше, чем за мертвого. Да и станут ли они обращать внимание на слова какого-то мага! Для них что был Хасами, что не было его – все едино. И вместо того чтобы прирезать Хэсситая без долгих околичностей, его привезли прямо во дворец. И отдали опять же не магу, а королю.

Худшего произойти не могло.

Хасами привалился к стене: колотье в боку стало почти непереносимым. Сердце сосредоточенно бодало изнутри грудину. Он уже не мог бежать – а до пыточной камеры путь еще не близкий. Жалобно постанывая, Хасами побрел по коридору, хватаясь рукой то за стену, чтоб не упасть, то за грудь.

– Господин маг... – Начальник караула посторонился, чтоб пропустить Хасами, и воины слаженно повторили его движение.

– Немедленно... – придушенно просипел Хасами, – незамедлительно... двоих воинов сюда... пусть отнесут меня к камере пыток... бегом... приказ короля... безотлагательно...

Он прекрасно понимал, о чем думает сейчас начальник караула. Этот осанистый воин явно соображал, что лучше: сказать ненавистному магу, что воины – не носильщики и уж тем более не бродячие продавцы удобрений, чтобы таскать на закорках то, чем, по их мнению, и является господин маг... или просто осыпать Хасами площадной бранью и пройти мимо. Очень бы ему этого хотелось. Только не осмелится он – и сам прекрасно об этом знает. Только даром время тратит на приятные мечтания, прежде чем повернуться и отдать приказ. Ладно же, недоносок. Ты мне сполна заплатишь за каждый миг этого промедления. Если, конечно, оно не окажется роковым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.